

08:00

Сара Джаффе

09:00

10:00

**Дорогие
коллеги**

11:00

12:00

13:00

**Как любимая
работа
портит нам**

14:00

15:00

16:00

17:00

18:00

19:00

ЖИЗНЬ

18+

20:00

Individuum. Внесерийное

Сара Джаффе

**Дорогие коллеги. Как любимая
работа портит нам жизнь**

«Individuum»

2021

УДК 316.3
ББК 60.54

Джаффе С.

Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь /
С. Джаффе — «Individuum», 2021 — (Individuum. Внесерийное)

ISBN 978-5-6048297-8-3

Вы много раз слышали обращение «дорогие коллеги» и совершенно точно знаете уровень своего дохода. Однако во что вам по-настоящему обходится ваша работа? Журналистка и исследовательница истории трудового движения в США Сара Джаффе рассказывает, как в наших профессиональных отношениях проявляются фальшивая забота, кризис семьи, история рабства и никуда не исчезающая классовая борьба, и объясняет, чем так вреден миф о любви к работе. Где проходит граница между работой и жизнью? Как представление о любви к труду позволяет манипулировать людьми и что поможет безошибочно распознавать эксплуатацию? Какие уроки мы можем извлечь из истории активизма в защиту трудовых прав? Чем солидарность может помочь нашему обществу перед лицом автоматизации труда и исчезновения сотен профессий? Книга Сары Джаффе даст возможность понять, как не стать жертвой эмоционального выгорания и что нужно сделать, чтобы вековые мечты о работе как о призвании не остались просто мечтами. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.3

ББК 60.54

ISBN 978-5-6048297-8-3

© Джаффе С., 2021

© Individuum, 2021

Содержание

Введение	7
Часть I	22
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сара Джаффе
Дорогие коллеги. Как любимая
работа портит нам жизнь

Мелиссе и Питеру

Work Won't Love You Back

Sarah Jaffe

How Devotion to Our Jobs Keeps Us Exploited, Exhausted, and Alone

Bold Type Books, 2021

© Sarah Jaffe, 2021. First published 2021 by Bold Type Books, an imprint of Hachette Book Group

© Константин Митрошенков, перевод, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Введение

Поздравляем с началом рабочей недели

Я люблю свою работу.

Строго говоря, постоянной работы у меня нет. Я безработная уже несколько лет с того момента, как ушла из журнала, нанявшего меня штатным автором сроком на год. С тех пор я с переменным успехом зарабатываю себе на жизнь как журналист-фрилансер. Путешествую, делаю репортажи, иногда выступаю на публике, но в основном пишу. Я встречаю удивительных людей и рассказываю их истории миру, и это занятие позволяет мне обеспечивать себя – по крайней мере на сегодняшний момент.

А еще я зарабатываю на 15 тысяч долларов в год меньше, чем в среднем женщины моего возраста и уровня образования¹.

Моя жизнь – наглядный пример того, как устроен рынок труда в современной экономике. Я гибкая и могу работать за ноутбуком, перемещаясь из кофейни в кофейню по всей стране, а иногда и по всему миру. У меня нет работодателя, который платил бы за мою медицинскую страховку, и я напрочь забыла о пенсионном обеспечении. Отпуск? Что это? У меня нет ничего из того, что раньше было символами стабильной жизни взрослого человека, – ни семьи, ни собственности, только собака. (С другой стороны, нет у меня и начальства.)

Но эта книга не обо мне. Она о миллионах людей по всему свету, которые существуют в таких же или похожих условиях, даже если им удастся найти старую добрую работу на полную ставку. Многие составляющие того, что раньше называлось «гарантией занятости», сейчас исчезли, растворились в воздухе. Как напоминают нам авторы многочисленных статей и книг на эту тему, мы страдаем от усталости, выгорания, переработок и невозможности найти баланс между работой и личной жизнью (а то и просто найти время на личную жизнь).

В то же время мы слышим о том, что работа должна приносить удовлетворение, удовольствие, даже радость. Предполагается, что мы работаем потому, что любим свою работу: и в такой ситуации вроде бы вообще нельзя жаловаться на то, что ваш труд обогащает других людей, пока вы еле сводите концы с концами и не можете найти время посидеть с друзьями.

Как это часто происходит в эпоху позднего капитализма, фраза «выбери себе работу по душе – и ты никогда не будешь работать», которая первоначально фигурировала в мотивирующих постах в соцсетях, теперь превратилась в своего рода народную мудрость. Принято считать, что она справедлива по отношению к людям всех времен и народов, в том числе и к нашим пещерным предкам, которые, полагаю, *действительно получали удовольствие* от охоты на мамонтов и других подобных занятий. Но вместо того чтобы «никогда не работать», мы вынуждены работать больше, чем когда-либо прежде, и быть на связи даже в нерабочие часы. Все это становится причиной стресса, тревожности и одиночества. Короче говоря, «любовь к работе» – это откровенное надувательство².

Однако идея о том, что мы должны любить свою работу, появилась относительно недавно. В прежние времена считалось, что работа, грубо говоря, – отстой, и что люди вовсе перестали бы работать, будь у них такая возможность. Начиная со времен феодализма и заканчи-

¹ Согласно Ежегодному социально-экономическому приложению к Текущему исследованию населения, проводимому Бюро переписи населения США, средний доход женщин в возрасте от 35 до 44 лет со степенью магистра составил в 2018 году 65 076 долларов. См.: www.census.gov/data/tables/time-series/demo/income-poverty/cps-pinc/pinc-03.html#par_textimage_54.

² *Thompson D. Workism Is Making Americans Miserable // The Atlantic. 2019. February 24. URL: www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/02/religion-workism-making-americans-miserable/583441; Do You Check Your Email After Work Hours? New Study Says Simply Thinking About It Could Be Harmful // BioSpace. 2018. August 13. URL: www.biospace.com/article/do-you-check-your-email-after-work-hours-new-study-says-simply-thinking-about-it-could-be-harmful.*

вая последними десятилетиями XX века, правящий класс обычно жил за счет своего богатства. У древних греков были рабы и *banauoi*³, которые трудились и тем самым давали высшим классам возможность посвящать свое время досугу и общественным делам. Если вы читали романы Джейн Остин и задавались вопросом о том, на что живут ее персонажи, которые ничем особо не занимаются, кроме бесед о том, кто на ком женится, то вы понимаете, о чем я говорю. Богатые не работали, за них это делали другие люди⁴.

Начиная с 1970–1980-х годов ситуация начала меняться. Современный класс собственников не только работает, но и превращает свой упорный труд в фетиш. Однако по-настоящему серьезно изменилась жизнь тех, кто не зарабатывает миллионы. Теперь нас заставляют поверить, что работа сама по себе достойна любви. Если мы вдруг вспомним, для чего работаем на самом деле – чтобы иметь деньги на оплату счетов, – то удивимся, почему же мы так много вкалываем, но так мало получаем...⁵

Дискуссии о том, должна ли работа приносить удовольствие, ведутся уже давно. В XIX веке социалист и художник Уильям Моррис выделил «три надежды», оправдывающих необходимость трудиться: «надежду на отдых, надежду на продукт труда и надежду на наслаждение самой работой». Моррис признавал, что сама идея о том, что работа может приносить удовольствие, покажется странной большинству читателей. Однако он утверждал, что виной всему порожденное капитализмом неравенство, которое обрекло рабочих людей на занятие «бесполезным трудом», приносящим выгоду неработающим богачам. Современная промышленность отняла у ремесленников те крупницы независимости и власти, что были у них прежде, превратив их во взаимозаменяемых роботизированных наемных работников. Никого не интересовало, любят ли пролетарии свою работу, ведь у них не было возможности выбирать⁶.

При этом пролетарии изо всех сил старались избежать работы. На заре рабочего движения его требования в основном сводились к тому, чтобы *меньше* трудиться: активисты добивались уменьшения продолжительности рабочего дня (сначала до 12, потом до 11, потом до 10, потом до 8 часов) и увеличения числа выходных. Забастовка, главное оружие рабочих, по сути представляет собой отказ от работы. Некоторое время рабочие довольно эффективно использовали это оружие, добившись сокращения рабочего дня и недели, а также увеличения заработной платы. Капиталисты пошли на уступки, чтобы сохранить прибыль, но одновременно стали искать новые, более эффективные, чем применение грубой силы, стратегии обуздания рабочих⁷.

Индустриальному рабочему классу предложили пряник – то, что часто называют «фордистским компромиссом» – как нетрудно догадаться, в честь Ford Motor Company и ее владельца Генри Форда. Рабочие обязались посвящать значительную часть своего времени работе на босса (но в пределах разумного – как правило, речь шла о пяти восьмичасовых рабочих

³ В античной Греции – низший класс работников, включавший чернорабочих, квалифицированных ремесленников и торговцев. – *Прим. авт.*

⁴ *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

⁵ *Goel V.* Dissecting Marissa Mayer's \$900,000-a-Week Yahoo Paycheck // *New York Times*. 2017. June 3. URL: www.nytimes.com/2017/06/03/technology/yahoo-marissa-mayer-compensation.html; *Leonard S.* She Can't Sleep No More // *Jacobin*. 2012. December 27. URL: <https://jacobinmag.com/2012/12/she-cant-sleep-no-more/>; *Hancox D.* Why We Are All Losing Sleep // *New Statesman*. 2019. November 6. URL: www.newstatesman.com/24-7-jonathan-crary-somerset-house-losing-sleep-review. «Праздность и обилие свободного времени когда-то были отличительными чертами аристократии, – пишет Джуди Вайсман. – В наши дни признаком высокого статуса служит активное, лихорадочное существование, когда и рабочее, и свободное время заполнены многочисленными делами». Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело», 2019. С. 104. См. также: *Perlin R.* Intern Nation: How to Earn Nothing and Learn Little in the Brave New Economy. New York: Verso, 2011. P. 49.

⁶ *Моррис У.* Задачи искусства // Искусство и жизнь. М.: Искусство, 1973. С. 58–74; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419–459.

⁷ *Грамини А.* Тюремные тетради // Избранные произведения в 3-х томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

днях в неделю), а взамен получали достойную зарплату, медицинское обеспечение (в США его предоставляла компания, в других странах – государство), иногда и оплачиваемый отпуск с пенсией. Именно «надежда на отдых», говоря словами Морриса (а еще надежда хотя бы на финансовое вознаграждение, если уж о контроле над продуктом труда приходилось забыть), дала рабочим возможность обеспечивать себя и даже свою семью, наслаждаясь жизнью в свободное от работы время⁸.

Возможно, некоторым моим читателям, выкраивающим время для чтения, пока они проверяют почту или ждут вызова на следующую смену, трудно представить себе такой образ жизни. Безусловно, его не стоит романтизировать. Рабочие зачастую занимались изнурительным и одновременно однообразным трудом. Кроме того, они часто так сильно уставали, что толком и не могли насладиться отдыхом, который им так нелегко доставался. Но благодаря фордистскому компромиссу стал возможен недолгий период стабильности, продлившийся с окончания Великой депрессии до 1960-х годов, и по этой стабильности мы тоскуем до сих пор.

Как и большинство компромиссов, фордистская сделка оставила обе стороны недовольными. С одной стороны равновесие поддерживалось постоянными забастовками рабочих, с другой – непрекращающимися попытками боссов пересмотреть условия сделки. В благополучные времена, когда прибыли были достаточно высокими, чтобы делиться ими, класс собственников более или менее соглашался мириться с условиями договора, но все изменилось в 1970-е годы, когда грянул кризис. «К 1970-м годам динамизм, который система демонстрировала в послевоенные годы, сошел на нет, что было связано с многочисленными политическими вызовами и институциональным склерозом⁹», – объясняет экономист Джеймс Мидуэй. Чтобы решить проблему, капитал усилил давление на трудящихся. Компании стали переносить производства в те страны, где могли позволить себе платить рабочим лишь жалкую часть того, что получали их коллеги в США или Великобритании. Продолжительность рабочего дня начала расти, доходы – снижаться. Стало появляться все больше семей, где работали оба родителя, теперь у них не оставалось времени на домашние дела¹⁰.

К 2016 году число рабочих мест в промышленности США сократилось настолько, что Дональд Трамп решил сделать фразу «Make America Great Again» («Вернем Америке былое величие») своим предвыборным лозунгом. В 2017 году, после того как он стал президентом, я посетила завод компании *Carriger* в Индианаполисе. Предприятие, которое должно было закрыться в 2016 году, сыграло ключевую роль в предвыборной кампании Трампа, обещавшего вернуть «хорошие» рабочие места. После победы на выборах он вновь появился на заводе *Carriger*, чтобы объявить, что «миссия выполнена», и похвастаться рабочим, что ему удалось предотвратить закрытие предприятия. Однако, приехав в Индианаполис, я обнаружила, что завод *Rexnord*, расположенный по соседству с *Carriger*, закрывается. Его сотрудников президент визитом не почтил, и они лишились своих рабочих мест. То же самое произошло с работниками предприятия *General Motors* в Лордстауне, штат Огайо, закрытого в марте 2019 года.

Рабочие, с которыми я разговаривала в Индианаполисе и Огайо, не хотели, чтобы их заводы закрывались, но никто из них не идеализировал свою работу. Они устроились на эти предприятия ради денег, а не ради самореализации. Они хотели иметь возможность отдыхать на выходных и платить аренду за свои дома. Когда я спросила, чего им будет не хватать после закрытия завода, никто не упомянул саму работу: они говорили о коллегах, которые стали им почти как родные, о посиделках в баре после смены и чувстве солидарности, возникшем бла-

⁸ *Milkman R. Farewell to the Factory: Auto Workers in the Late Twentieth Century. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 23.*

⁹ Термин, введенный экономистом Мансуром Олсоном, обозначает ситуацию, когда из-за конфликтов внутриэлитных групп интересов экономический рост не отражается на благосостоянии населения – или отражается в недостаточной степени. – *Здесь и далее примечания редактора и переводчика, если не указано иное.*

¹⁰ *Вайсман Д. Времени в обрез. С. 107–112. Джеймс Мидуэй в личной беседе с авторкой.*

годаря активной профсоюзной деятельности (именно из солидарности в 2019 году они присоединились к забастовке сотрудников General Motors, хотя их собственное предприятие к тому моменту уже несколько месяцев как не работало). Но в основном они говорили о деньгах – о том, что потеря работы со ставкой 26 долларов в час (плюс сверхурочные) сильно скажется на их уровне жизни.

Неподалеку от завода Carriег высятся распределительные центры Amazon и Target. Вероятно, именно туда устроятся некоторые бывшие заводские рабочие. Сегодня работа в распределительном центре или на складе стала синонимом несчастья. Работникам приходится мочиться в бутылки, потому что им не разрешают слишком часто отлучаться в туалет, и горстями закидывать в рот ибупрофен, чтобы справиться с болями и недомоганиями. Ко всему прочему начальство следит за ними при помощи GPS-трекеров. При этом компания, опровергая информацию об адских условиях труда, описанных журналисткой Эмили Гундельсбергер, хвалит своих «усердных сотрудников» за то, что их «амбициозность и преданность своему делу обеспечивают клиентам Amazon обслуживание самого высокого уровня»¹¹.

Глобальная пандемия коронавируса лишь сделала невыносимые условия труда еще более заметными. Число людей, занятых в промышленности, сократилось по всему миру, но многие из них по-прежнему работают за гроши и без защиты профсоюзов. Женщины и дети трудятся в смертельно опасных условиях во многих странах, в том числе в Бангладеш, где в 2013 году в результате обрушения здания швейной фабрики «Рана-Плаза» погибли 1134 человека и еще более 2000 пострадали. Условия труда на швейных фабриках в Бангладеш (или на заводе Foxconn в Китае, где собирают айфоны) варьируются от тяжелых и изнурительных до смертельно опасных. Мало кому придет в голову, что рабочие на таких предприятиях могут любить свою работу. Однако в редких случаях, когда там проходят проверки, рабочих заставляют улыбаться инспекторам¹².

Многие журналисты воспроизводят стереотипы и пишут о шахтерах и заводских рабочих как об основном электорате Трампа, тем самым сильно романтизируя их труд, который был и остается невероятно тяжелым. Джордж Оруэлл писал, что шахты города Уиган, расположенного неподалеку от Манчестера, «подобны аду (по крайней мере моему представлению о преисподней)». Работники General Motors на заводе Linden в Нью-Джерси рассказали социологу Рут Милкман, что их предприятие «напоминает тюрьму»; их коллеги из Лордстауна назвали менеджмент завода «маленьким СС или гестапо». Чаки Денисон, недавно вышедший на пенсию с предприятия в Лордстауне, говорил мне, что «на заводе, по сути, шла война против рабочих». По словам Милкман, если их работу и можно было назвать «хорошей», то только благодаря профсоюзу, а условия труда сами по себе были «безжалостными и бесчеловечными»¹³.

Стандартизация и усиление контроля превратили рабочих во взаимозаменяемые шестеренки – настолько взаимозаменяемые, что сегодня компания может с легкостью закрыть предприятие в Индианаполисе и открыть его в Мексике или Бангладеш, где рабочая сила дешевле, или же полностью заменить рабочих машинами.

¹¹ *Guendelsberger E.* On the Clock: What Low-Wage Work Did to Me and How It Drives America Insane. New York: Little, Brown, 2019. См. также: *Spitznagel E.* Inside the Hellish Workday of an Amazon Warehouse Employee // *New York Post*. 2019. July 13. URL: <https://nypost.com/2019/07/13/inside-the-hellish-workday-of-an-amazon-warehouse-employee>.

¹² *Chen M.* 6 Years After the Rana Plaza Collapse, Are Garment Workers Any Safer? // *The Nation*. 2019. July 15. URL: www.thenation.com/article/rana-plaza-unions-world; *Jacobs H.* Inside “iPhone City,” the Massive Chinese Factory Town Where Half of the World’s iPhones Are Produced // *Business Insider*. 2018. May 7. URL: www.businessinsider.com/apple-iphone-factory-foxconn-china-photos-tour-2018-5; *Gruss B., Novta N.* The Decline in Manufacturing Jobs: Not Necessarily a Cause for Concern // *IMFBlog*. 2018. April 9. URL: <https://blogs.imf.org/2018/04/09/the-decline-in-manufacturing-jobs-not-necessarily-a-cause-for-concern>.

¹³ *Оруэлл Дж.* Дорога на Уиган-Пирс // *Фунты лиха в Париже и Лондоне. Дорога на Уиган-Пирс*. М.: АСТ, 2018. С. 209–415; *Milkman R.* Farewell to the Factory. P. 11–12; *Jaffe S., Chen M.* The GM Strike and the Future of the UAW // *Dissent*. 2019. November 8. URL: www.dissentmagazine.org/online_articles/the-gm-strike-and-the-future-of-the-uaw.

Но автоматизация, аутсорсинг и вывод производств за пределы США и Западной Европы изменили сам характер труда в богатых странах. Как ни странно, эти процессы привели к тому, что работодатели стали требовать от работников тех самых человеческих качеств, которые столь старательно истреблял промышленный капитализм. Работодатели пытаются эксплуатировать наш творческий потенциал, умение взаимодействовать с людьми и неравнодушие – все эти качества они требуют задействовать в работе. Предполагается, что так она станет менее невыносимой, но в действительности благодаря этому она лишь глубже проникает во все сферы нашей жизни¹⁴.

Текущая ситуация порождена политическим проектом, известным как неолиберализм, постфордизм или «поздний капитализм». Как объясняет политический философ Асад Хайдер, «неолиберализм... в действительности представляет собой два вполне конкретных явления: во-первых, контролируемое государством реструктуризацию социальной, политической и экономической сфер, ставшую реакцией на кризис послевоенной капиталистической системы, и во-вторых, идеологию формирования рыночных отношений при помощи социальной инженерии». Успех второй части проекта зависел от того, удастся ли переформатировать стремление к освобождению, выраженное политическими и общественными движениями 1960–1970-х годов, и переопределить понятие «свобода», сместив акцент с его позитивной составляющей (свобода для чего-то) на негативную (свобода от чего-то). Неолиберализм внушает нам идею, что все необходимое и желанное в этом мире нужно покупать¹⁵.

Неолиберализм возник не на пустом месте: его появление стало следствием решений, принятых победителями в политической борьбе. Эти победители реорганизовали государство так, чтобы повсюду насадить конкуренцию, обеспечить соблюдение прав частной собственности и защитить индивидуальное право на накопление. Государственные службы отдали на откуп частным спекулянтам. Граждан сделали потребителями. Свобода уже рядом, утверждали неолибералы, вам осталось только ее купить¹⁶.

Неолиберализм зародился в Чили в 1973 году, когда Аугусто Пиночет свергнул демократического социалиста Сальвадора Альенде и начал силовыми методами перестраивать экономику, получая рекомендации от американских советников. В том же году разразился нефтяной кризис, в экономике произошел глобальный спад, стоимость ценных активов рухнула. У капитализма начались проблемы: безработица и инфляция росли, а общественные движения требовали перемен. На этом фоне Пиночет репрессиями и пытками расчищал дорогу неолиберализму, прикрываясь заявлениями о приверженности ценностям «свободы»¹⁷.

В основе неолиберального проекта лежало насилие, но это не помешало ему распространиться из Чили по всему миру при поддержке правительств демократических стран. Маргарет Тэтчер, ставшая премьер-министром Великобритании в 1979 году, поставила своей целью сокрушить профсоюзы и саму идею солидарности. Она приватизировала объекты коммунальной инфраструктуры и государственные предприятия, а социальное жилье распродала частникам. Малоимущим тэтчеризм предлагал негативную солидарность – возможность наблюдать

¹⁴ Draut T. *Sleeping Giant: How the New Working Class Will Transform America*. New York: Doubleday, 2016. P. 44.

¹⁵ Fisher M. *K-punk: The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher* / ed. D. Ambrose. London: Repeater Books, 2018, loc. 7683, Kindle; Haider A. *Class Cancelled*. 2020. August 17. URL: <https://asadhaider.substack.com/p/class-cancelled>; Kotsko A. *Neoliberalism's Demons: On the Political Theology of Late Capital*. Stanford: Stanford University Press, 2018, loc. 230, Kindle. См. также: Konczal M. *Freedom from the Market: America's Fight to Liberate Itself from the Grip of the Invisible Hand*. New York: New Press, 2020.

¹⁶ Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1–2; Стэндинг Г. *Прекариат*; Mirowski P. *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*. New York: Verso, 2013. P. 23–24, 40, 56–57; Kotsko A. *Neoliberalism's Demons*, loc. 741, 127, 132–133.

¹⁷ Fisher M. *K-punk*, loc. 6984, 12617; Harvey D. *Brief History*. P. 7–8, 14–15; Clover J. *Riot. Strike. Riot*. New York: Verso, 2019, loc. 1652–1654, Kindle; Mirowski P. *Never Let a Serious Crisis*. P. 57. Letelier O. *The "Chicago Boys" in Chile: Economic Freedom's Awful Toll*. *The Nation*. 1976. August. URL: www.thenation.com/article/archive/the-chicago-boys-in-chile-economic-freedom-awful-toll. См. также: Klein N. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Metropolitan Books, 2010.

за тем, как сворачиваются программы социального обеспечения, снижается уровень жизни окружающих, а также утешать себя жестокой мыслью, что у них-то все еще не так плохо, как у соседей. «Экономика – это метод. Цель – изменить душу», – говорила Тэтчер¹⁸.

Другое, возможно, самое знаменитое высказывание Тэтчер – о том, что «у нас нет альтернативы», было сделано в момент, когда коммунизм еще подавал признаки жизни, а в большинстве европейских стран были сильны социал-демократические партии. Но идея TINA (англ. «There is no alternative») легла в основу того, что британский теоретик Марк Фишер назвал «капиталистическим реализмом», – представления, что капитализм – единственно возможная форма мироустройства. Неолибералы опираются на эту идею даже в периоды кризисов – более того, в такие моменты они особенно активно за нее цепляются¹⁹.

В результате «шоковых» мер, которые были предприняты в 1980 году главой Федеральной резервной службы США Полом Волкером, ограничившим денежную массу и повысившим процентные ставки, разорились десятки тысяч компаний. В городах вроде Янгстауна, штат Огайо, работы лишилось более одной пятой населения. Приятель Тэтчер Рональд Рейган, выигравший в том же году президентские выборы, пошел по ее стопам, снизив налоговые ставки и разгромив профсоюз авиадиспетчеров. Экономический и политический кризис 1970-х годов запустил процесс деиндустриализации, а Тэтчер, Рейган и Волкер как следует подлили масла в огонь. Производство либо вывели из богатых стран в бедные, либо автоматизировали. Рабочим автомобильных заводов, которые раньше объявляли забастовки и останавливали работу предприятий, чтобы добиться своих целей, теперь, наоборот, приходилось протестовать против закрытия заводов. Джошуа Кловер в книге «Бунт, забастовка, бунт» («Riot, Strike, Riot») назвал положение рабочих, которые, «борясь за выживание, утверждают собственную эксплуатацию», «аффирмативной ловушкой». А от аффирмативной ловушки недалеко и до идеи о том, что человек должен «любить свою работу»²⁰.

Те, кто в прежние времена устроились бы на работу в промышленность, теперь шли в розничную торговлю, здравоохранение, сферу услуг и высокотехнологичный сектор. Мы часто слышим разговоры об экономике знаний и о том, что теперь у нас появились возможности заниматься творческим трудом, однако гораздо чаще современный человек оказывается в сфере услуг. Там ждет другая аффирмативная ловушка: улыбайся клиентам, или тебя уволят²¹.

Идеалы свободы и выбора, которые на словах отстаивает неолиберализм, парадоксальным образом помогают ему оправдывать неравенство. Вы свободны в своем выборе, но и цена неправильного выбора также полностью ложится на ваши плечи, а с учетом сворачивания программ социального обеспечения эта цена может оказаться смертельно высокой. Такое понимание свободы, пишет политический теоретик Адам Коцко, также представляет собой ловушку, «аппарат, генерирующий чувство вины»²².

Этот аппарат неизменно нацелен на индивидуализацию. Все, что с вами происходит, – это следствие принятых вами решений. Логично, что если вы оказались в беде, никто не станет сочувствовать вам и уж тем более помогать. Как отмечает Марк Фишер, из-за такого отношения груз стресса – который никто не разделит – становится неподъемным, а депрессия и тревога лишь усиливаются. Если вы не можете найти работу, то сами виноваты – недостаточно

¹⁸ Harvey D. Brief History. P. 23, 61; Fisher M. K-punk, loc. 9308; Mirowski P. Never Let a Serious Crisis. P. 130.

¹⁹ Fisher M. K-punk, loc. 7548.

²⁰ Harvey D. Brief History. P. 25; Barker T. Other People's Blood // n+1. 2019. Spring. URL:

²¹ O'Donovan N. From Knowledge Economy to Automation Anxiety: A Growth Regime in Crisis? // New Political Economy. 2020. 25, no. 2. P. 248–266. URL: <https://doi.org/10.1080/13563467.2019.1590326>.

²² Mirowski P. Never Let a Serious Crisis. P. 63; Kotsko A. Neoliberalism's Demons, loc. 170, 649, 707, 710; Harvey D. Brief History. P. 5; Kotsko A. The Prince of This World. Stanford: Stanford University Press, 2016. P. 199–200; Fisher M. K-punk, loc. 7674, 11308, 12574; Cooper M. Family Values: Between Neoliberalism and the New Social Conservatism. Brooklyn, NY: Zone Books, 2019, loc. 2684–2687, Kindle.

трудились (бесплатно), чтобы приобрести необходимые навыки. Если же вам не нравится ваша работа, то рецепт прост – найдите другую! Такие рассуждения служат оправданием высокой текучки кадров, играющей на руку компаниям. У них в распоряжении всегда есть доступные работники, которых легко искать, контролировать и увольнять²³.

В этом контексте стоит вспомнить еще одно ставшее знаменитым высказывание Тэтчер: «Общества как такового не существует». В действительности она сформулировала свою мысль несколько иначе: «...какое общество? Как такового его не существует. Есть отдельные мужчины и женщины, и есть семьи». В ситуации, когда общество отсутствует, границы между семьей и работой стираются, а времени на личную жизнь почти не остается, идея сделать работу более приятной и даже найти в ней замену недостающей любви начинает казаться нам вполне привлекательной. Собирая материал для этой книги, я неоднократно беседовала с людьми, которые рассказывали, что начальство называет их офис или предприятие «семьей». Одна компания по производству видеоигр даже стала называть себя «family»²⁴. Не любить работу стыдно. Предполагается, что любовь – наш бесконечный внутренний ресурс, а если компания, где мы работаем, стала нам «как родная», то разве не естественно ее любить?²⁵

Когда любовь к работе подменяет любовь к людям, солидарность ослабевает. Заявление Тэтчер о том, что общества не существует, было сделано после разгрома профсоюзов, которые не только устраивали забастовки, но и организовывали неформальные встречи для своих членов во вне рабочее время. Получается, если любимая работа не отвечает вам взаимностью, логичный выход – работать над отношениями или искать нового партнера, а не объединяться с коллегами, чтобы добиться своего. Коллективное действие в такой ситуации немислимо. Либо работай над собой более усердно, либо уходи²⁶.

Однако принуждение, скрывающееся под маской любви, становится сегодня все более заметным, и рабочие начинают действовать. Об этом свидетельствует популярность концепции «выгорания» – ведь что такое выгорание, если не ощущение, вызванное безответной любовью к труду? Повторяющиеся циклы увольнений, стабильно низкая зарплата и сокращения в частном секторе – все это в совокупности привело к тому, что нам стало еще сложнее любить свою работу. Тот факт, что «ключевые» сотрудники должны выходить на смены даже во время пандемии коронавируса, обнажает принуждение, лежащее в основе трудовых отношений. Нас карают за все принятые решения, даже если мы просто делаем, что нам говорят: берем студенческие кредиты, соглашаемся на увеличение продолжительности рабочего дня, отвечаем на рабочие письма, находясь на вечеринке, в постели или на похоронах, работаем больше, а получаем меньше²⁷.

²³ Kotsko A. Neoliberalism's Demons, loc. 71, 1823, 1831; Mirowski P. Never Let a Serious Crisis. P. 110; Стэндинг Г. Прекариат. См. также: Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М.: Ультракультура 2.0, 2010.

²⁴ От англ. *family* («семья») и *company* («компания»).

²⁵ Margaret Thatcher. Интервью для Women's Own. 1987. Margaret Thatcher Foundation. URL: www.margaretthatcher.org/document/106689; Boris E., Parrenas S. R. Introduction // Intimate Labors: Cultures, Technologies, and the Politics of Care // ed. E. Boris, R. S. Parrenas. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 9; Almeling R. Selling Genes, Selling Gender // Intimate Labors. P. 60; Фишер М. Капиталистический реализм. С. 65–67; Годсу К. Почему у женщин при социализме секс лучше. Аргументы в пользу экономической независимости. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 15–16; Briggs L. Foreign and Domestic // Intimate Labors. P. 49. В Японии, пишет Гай Стэндинг, модель компании-семьи «дошла до крайностей. Компания стала считаться буквально второй семьей, а трудовые отношения – „контрактно-родственными“; подразумевалось, что работодатель как бы „усыновляет“ наемного работника и в свою очередь ждет от него добровольного подчинения, а в качестве исполнения сыновнего долга – усердного труда в течение десятилетий». Стэндинг Г. Прекариат. С. 37. Сайт компании UsTwo Games, раздел «About Us» («О нас»). URL: www.ustwo.com/about-us; Harvey D. Brief History. P. 53; Weeks K. Down with Love: Feminist Critique and the New Ideologies of Work // Verso Blog. 2018. February 13. URL: www.versobooks.com/blogs/3614-down-with-love-feminist-critique-and-the-new-ideologies-of-work.

²⁶ Weeks K. Down with Love; Fisher M. K-punk, loc. 8907; Kotsko A. Neoliberalism's Demons, loc. 2622.

²⁷ Fisher M. K-punk, loc. 8222; Kotsko A. Neoliberalism's Demons, loc. 1891; Jaffe S. The Post-Pandemic Future of Work // New Republic. 2020. May 1. URL: <https://newrepublic.com/article/157504/post-pandemic-future-work>.

Неолиберализму необходима идеология любви к работе, чтобы скрыть тот факт, что на заре капитализма людей принуждали к труду. Однако сегодня это насилие все чаще выходит на поверхность, а протестные акции (проходящие по всему миру от Чили до Квебека и Чикаго; я включаю сюда и климатические забастовки) становятся все заметнее. Неолиберализм попытался продать нам не свободу от работы, а свободу, которой мы якобы можем достичь *при помощи* работы. Но достаточно взглянуть сегодня на улицы городов, чтобы понять: люди больше не желают покупаться на эту уловку²⁸.

Простая истина о труде при капитализме заключается в том, что на работе мы не контролируем почти ничего. Мы можем найти работу, которая будет приносить нам удовольствие, или добиться повышения зарплаты, но ситуация от этого не изменится. Концепция отчужденного труда описывает не чувства работника, а отсутствие у него возможности решать, где и насколько усердно он будет работать, а также контролировать производимые им продукты или предоставляемые услуги²⁹.

Труд необходим для производства собственности и накопления капитала, но труд, как мы отмечали, слишком часто выходит из-под контроля. Ведь труд неотделим от трудящихся, то есть от нас с вами – запутавшихся, одержимых желаниями, голодных, одиноких, злых и разочарованных людей. Мантра неолиберализма гласит, что мы можем спокойно уйти с нелюбимой работы и найти другую, которая будет нам по душе. Однако в действительности наша свобода ограничена потребностью в еде, крыше над головой и медицинском обеспечении. Наше место в иерархии капиталистического общества зависит не от того, насколько усердно мы трудимся, а от бесконечного множества неподконтрольных нам факторов, в том числе нашей расовой, гендерной и национальной принадлежности. Как пишет политический теоретик Кэти Уикс, в процессе работы происходит формирование нас как политических и социальных субъектов³⁰.

Иначе говоря, работа определяет наши представления о том, как стоит жить. И вслед за изменениями форм организации труда и капиталистической системы меняются и наши представления о том, какой должна быть наша жизнь, где и как мы должны реализовывать себя. Представление о «хорошей» работе меняется с течением времени, по мере того как рабочие люди борются за свои права. Нам следует об этом помнить.

* * *

Идея о том, что работа должна приносить удовлетворение, стала настолько общепринятой, что несогласие с ней воспринимается как бунт против здравого смысла. Но итальянский теоретик Антонио Грамши напоминает нам, что «здравый смысл» обусловлен исторически, а представления и верования людей меняются по мере того, как изменяются материальные условия их существования. Грамшистская концепция гегемонии объясняет, как социальные группы могут реорганизовать мир в собственных интересах, используя культуру, идеи и материальные силы. Гегемония – это процесс, в ходе которого нас заставляют принять структуры власти, определяющие нашу жизнь³¹.

²⁸ Fisher M. K-punk, loc. 12661.

²⁹ Harvey D. Reading *Capital* with David Harvey. 2019. Episode 5. Podcast audio URL: <https://open.spotify.com/episode/6TFZkkszwzQGAVcfzfWiJy?si=h42pT1HUSZuWEsykk9qfKA>.

³⁰ James S. Sex, Race, and Class: The Perspective of Winning. Oakland, CA: PM Press, 2012. P. 96; Bhattacharya T. How Not to Skip Class: Social Reproduction of Labor and the Global Working Class // Social Reproduction Theory: Remapping Class, Recentering Oppression / ed. T. Bhattacharya. London: Pluto Press, 2017. P. 70; Weeks K. The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antipolitics, and Postwork Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2011. P. 8.

³¹ Грамши А. Тюремные тетради. Как объясняет исследовательница образования Элени Ширмер, гегемония в понимании Грамши – «это борьба за то, чтобы определенным образом организовать отдельные фрагменты реальности: идеи, образы, язык, культуру, политику, музыку и сексуальные нормы». Schirmer H. Hello, We Are from Wisconsin, and We Are Your Future // Boston Review. 2020. April 7. URL: <http://bostonreview.net/politics/eleni-schirmer-wisconsin-primaries-scott-walker-act-10>.

Одна из особенностей здравого смысла – часто он оказывается не таким уж и здоровым. Более того, на каком-то уровне мы можем даже это осознавать. В конце концов, раз вы читаете эту книгу, значит, что-то внутри сказало вам: «А что, если это с работой что-то не так, а не со мной?» Но нам необязательно искренне верить в идеи «здрoвого смысла», чтобы соглашаться с ними. Многие из нас просто делают вид, что верят, и этого достаточно³².

Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал, что нарождающийся капитализм позаимствовал у протестантизма идею, будто усердный труд – призвание человека, за которое он в итоге будет вознагражден (на небесах). Первоначально капитализм ставил на первое место накопление ради накопления, а не ради потребления. Напротив, считалось, что потребления и других форм удовольствия следует избегать. Человек трудился ради того, чтобы быть *хорошим*, а не счастливым. Вебер отмечал, что это представление, зародившееся в рамках церкви, давно уже стало частью здравого смысла: «Пуританин хотел быть профессионалом, и мы должны быть таковыми»³³.

Французские исследователи Люк Болтански и Эв Кьяпелло с опорой на Вебера утверждают, что с течением времени дух капитализма изменился и появились новые разновидности трудовой этики. Они пишут, что присущий каждой эпохе дух капитализма должен отвечать на три вопроса. Как человеку обеспечить безопасную жизнь себе и своей семье? Как вынудить людей с энтузиазмом участвовать в процессе накопления, если они знают, что не смогут воспользоваться накопленным? Как оправдать капиталистическую систему и защитить ее от обвинений в несправедливости?³⁴

Капитализм нуждается в оправдании, поскольку люди ставят под сомнение его справедливость. Они смотрят на происходящее и понимают: эта система порождает неравенство. Люди бунтуют: устраивают забастовки, восстания, отказываются как ни в чем не бывало идти на работу. Все это приводит к кризисам и трансформациям капиталистической системы, которой приходится адаптироваться, находить новые оправдания, новые механизмы, позволяющие убедить нас продолжать работать. Борьба переходит с рабочего места во все остальные сферы жизни. Политический философ Нэнси Фрейзер называет это «борьбой за границы» – границы между экономикой и обществом, производством и воспроизводством, работой и семьей³⁵.

В результате изменений, вызванных этими столкновениями, каждый раз возникает новая трудовая этика и новый дух капитализма. Мы знаем, что представляет собой дух фордистской сделки, запечатленный в тысячах ностальгических историй: рабочие вроде моего собеседника Чаки Денисона шли на предприятие, а затем возвращались домой к семье, наслаждались выходными и отпуском, имели достойные пособия. Семья с одним работающим взрослым могла позволить себе довольно высокий уровень потребления. Жены рабочих могли вовсе не работать, а вместо этого присматривать за детьми и ходить по магазинам. Это была эпоха семейной зарплаты (*family wage*)³⁶, «организационного человека»³⁷ и пригородов. Индустриальная рабочая этика, в отличие от протестантской, обещала рабочим хоть какие-то блага здесь и сейчас, а не «райские яблочки на том свете», как шутили участники организации «Инду-

³² Harvey D. Brief History. P. 39; Fisher M. K-punk, loc. 8610–8617.

³³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. В основе этой трудовой этики лежало то, что Мелинда Купер назвала «аскетичной философией желаний»; Weeks K. The Problem with Work. P. 45.

³⁴ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

³⁵ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма; Fraser N. Crisis of Care? On the Social-Reproductive Contradictions of Contemporary Capitalism // Social Reproduction Theory. P. 25.

³⁶ Заработная плата, достаточная для того, чтобы удовлетворять основные потребности всех членов семьи.

³⁷ Отсылка к книге социолога Уильяма Уайта «Организационный человек» («Organizational Man»), опубликованной в 1956 году. Книга стала бестселлером и считается классическим исследованием условий жизни и труда сотрудников корпораций.

стриальные рабочие мира». Работа открывала путь к социальной мобильности, но никого не интересовало, получает ли человек удовольствие от своего труда³⁸.

Должно было что-то измениться, чтобы мы перешли от индустриальной трудовой этики к современной этике любви к работе, согласно которой человек должен получать удовольствие от труда как такового. Сегодня идеальный работник должен быть веселым, гибким, творческим, заботливым, а еще уметь находить все необходимое в интернете и общаться с нужными людьми. Он любит свою работу, но меняет рабочие места, как ловелас возлюбленных. Продолжительность его рабочего дня увеличивается, а граница между домом и работой стирается. Гарантии – ключевая составляющая трудовой этики индустриальной эпохи, когда люди всю жизнь работали на одном месте и зарабатывали себе на пенсию, – уступили место самореализации. В то же время такие вещи, как дружба, чувства и любовь, прежде относившиеся к частной стороне жизни и запрещенные на промышленных предприятиях, внезапно оказались очень нужны работодателям³⁹.

Не стоит думать, что работники просто в один прекрасный день проснулись и решили, что теперь им нужен новый идеал. Новая трудовая этика родилась из-за изменений в глобальной капиталистической системе. «Глобализация» дала возможность переложить тяжелую работу на плечи жителей бедных стран, где рабочая сила дешевле, а законы не столь суровы. Болтански и Кьяпелло утверждают, что трансформация капитализма стала реакцией на критику со стороны общественных движений 1960–1970-х годов. Они выделяют два направления критики: «художественную», бросившую вызов конформизму капиталистической системы середины XX века и демонстрировавшую репрессивный характер присущей ему скуки; и «социальную», акцентировавшую внимание на фундаментальном неравенстве капиталистического общества, где меньшинство удовлетворяет свои потребности, в то время как большинство сталкивается с тем, что географ Рут Уилсон Гилмор назвала «организованной заброшенностью»⁴⁰.

Социальная и художественная критика соответствуют двум компонентам этики любви к работе: заботе и творчеству. Признание значимости заботы и творчества стало частичной уступкой требованиям рабочих, бунтовавших против условий труда на предприятиях, социальной иерархии, буржуазной семьи из пригорода и мира, в котором все превращается в товар. Однако, приняв требования рабочих, капиталистическая система одновременно исказила их идеи. Движениям 1960-х не удалось совместить социальную и художественную критику и добиться одновременно больших гарантий и большей автономии. Программы этих движений были полны противоречий, ставших благодатной почвой для зарождения нового духа капитализма и новой формы организации труда⁴¹.

В 1970-е годы во всех промышленно развитых странах мира – от Италии, где располагались заводы компании Fiat, до Лордстауна в Огайо, где находился уже известный нам завод, – раздавались требования установить рабочий контроль над предприятиями. Слияние социальной и художественной критики было там наиболее ярко выраженным: рабочие, которым предстояло сорок лет гнуть спину на сборочной линии, прежде чем выйти на пенсию, нанесли ответный удар. В начале 1970-х годов стихийные забастовки были обычным делом в Лордстауне, где пестрая группа молодых рабочих выступала против самой идеи работы. Они не просто требо-

³⁸ Weeks K. The Problem with Work. P. 46–49, 59–60; Schreiber R. Henry Ford Paid His Workers \$5 a Day So They Wouldn't Quit, Not So They Could Afford Model Ts // The Truth About Cars. 2014. October 13. URL: www.thetruthaboutcars.com/2014/10/henry-ford-paid-workers-5-day-wouldnt-quit-afford-model-ts/; Fraser N. Crisis of Care. P. 25; Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма.

³⁹ Fraser N. Crisis of Care. P. 25; Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма; Weeks K. Down with Love.

⁴⁰ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма; Gilmore R. W. Golden Gulag: Prisons, Surplus, Crisis, and Opposition in Globalizing California. Berkeley: University of California Press, 2007; Idem. What Is to Be Done // American Quarterly. 2011. no. 2. P. 245–265.

⁴¹ Harvey D. Brief History. P. 41; Fisher M. K-punk, loc. 2468, 7120; Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма.

вали прибавки к зарплате или доли от прибыли, а оспаривали саму идею о том, что кто-то должен всю жизнь вкалывать на сборочной линии. Однако в итоге рабочие променяли автономию на гарантии занятости⁴².

Бунт против фордистских предприятий отразился в бунте против буржуазного, «пригородного» образа жизни. Женщины боролись против образа домохозяйки из пригорода, надеявшейся тем, что Бетти Фридан окрестила «загадкой женственности», и требовали полноценной оплачиваемой работы. Когда они стали достаточно зарабатывать и получили экономическую независимость, мужа перестали играть в их жизни столь важную роль: изменилась сама форма семьи, которая дестабилизировалась точно так же, как и формы труда⁴³.

Показательна огромная разница между тем, чего хотели движения 1970-х годов, и тем, что они получили. Они хотели демократического контроля над предприятиями, а получили призывы покупать акции компании. Хотели сокращения рабочего дня и ослабления гнета начальства, а получили сокращение рабочих мест и множество подработок вместо одной работы на полную ставку. Хотели более горизонтальных профсоюзных организаций, а получили разгром профсоюзов. Хотели свободы, открывающей простор для творчества, а получили, говоря словами Фишера, «менеджериализм⁴⁴ и шопинг». Хотели пересмотреть отношение к традиционной нуклеарной семье, а получили наставления о том, что необходимо заниматься нетворкингом и относиться к коллегам как к членам семьи. Хотели, чтобы их труд был более интересным, а в итоге просто стали больше работать. Они хотели искреннего человеческого общения, а получили требование «любить свою работу»⁴⁵.

* * *

Сейчас мы имеем дело с последствиями исторического поражения, которое потерпели рабочие. Оно привело к изменению мирового порядка и расколу внутри рабочего класса, одновременно обогатив правящее меньшинство и укрепив его власть. Наши представления о работе перевернулись с ног на голову. Работа теперь стала требовать нашей любви, времени, мозгов и тел, и это точно нельзя назвать победой. Смелые мечты активистов 1960–1970-х годов о свободе и всеобщем процветании не сбылись. Как пишет фемактивистка и исследовательница Сильвия Федеричи, ничто «так сильно не подавляет нас, как превращение в работу тех занятий и отношений, от которых мы получаем удовольствие»⁴⁶.

С сокращением числа рабочих мест в промышленности все больше и больше людей переходят в те сферы, где от них требуют любви к своей работе. В США больше всего новых рабочих мест появляется в сферах ухода за больными, общепита и медицинского обслуживания на дому. Все это – гендерно маркированные занятия, требующие заботы о других людях. На такой работе требуются навыки, которые, как предполагается, от природы присущи женщинам; эти занятия воспринимаются как продолжение той работы по уходу, которую на женщин возлагает семья. В список перспективных профессий также входят программисты, которые хоть и получают больше, но тоже должны демонстрировать увлеченность своей работой, – правда, для этого им нужно не заниматься эмоциональным трудом, а сидеть за работой как можно дольше. В этом отношении они ближе к работникам творческих профессий (артистам или журнали-

⁴² Болтански Л., Кьятелло Э. Новый дух капитализма; Fisher M. K-punk, loc. 12756–12764, 12944, 12959.

⁴³ Weeks K. Down with Love; Болтански Л., Кьятелло Э. Новый дух капитализма; Fraser N. Crisis of Care. P. 25–26; Weeks K. The Problem with Work. P. 107–110.

⁴⁴ Подход к бизнесу, в соответствии с которым рычаги принятия решений находятся в руках наемных менеджеров (а не непосредственных владельцев компаний).

⁴⁵ Болтански Л., Кьятелло Э. Новый дух капитализма; Fisher M. K-punk, loc. 7676, 7122, 10690, 12750, 12959.

⁴⁶ Federici S. Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle. Oakland, CA: PM Press, 2012. P. 2.

стам вроде меня), чей труд организован в соответствии со старыми представлениями о художественном творчестве⁴⁷.

Если работа по уходу соответствует семейной любви, основанной на всепоглощающем материнском чувстве, то аналог творческой работы – любовь романтическая, основанная на другой разновидности самопожертвования и преданности, – на них, как предполагается, нам должны ответить взаимностью. Проблема в том, что работа никогда, никогда взаимностью не отвечает.

Иными словами, когда человека принуждают быть счастливым на работе, от него всегда требуют эмоционального труда. У работы, в конце концов, нет чувств. Капитализм не может любить. Новая трудовая этика, согласно которой труд должен давать нам возможность реализовать себя, обречена на провал. Большинство работ счастья не принесут: даже если вы найдете работу по душе, она все равно будет для вас источником фрустрации. Например, я пишу эти строки в восемь часов вечера, поедая суп из пластикового контейнера, разогретый в микроволновке; я просидела двенадцать часов у экрана компьютера, хотя это и были славные двенадцать часов. У нас может быть лучший начальник на планете, искренне заботящийся о сотрудниках, но он все равно остается нашим начальником и финансовые соображения всегда будут для него на первом месте⁴⁸.

Капитализм определяет всю нашу жизнь – даже в эпоху фордистской сделки его воздействие не ограничивалось одним лишь рабочим местом, – и капиталистическая дисциплина касается не только деятельности, непосредственно направленной на извлечение прибыли. Отношения господства и подчинения на рабочем месте, утверждает Кэти Уикс, имеют определяющее значение для всей капиталистической системы. Работа – это то место, где люди осознают, насколько они в действительности несвободны. Думая о будущем, когда дискуссии об автоматизации, пандемии и климатическом кризисе станут еще более острыми, мы всё лучше понимаем, что для производства всего необходимого для процветания человечества требуются усилия как никогда малого числа людей. Наш современный образ жизни с его культом работы приближает гибель Земли. Но для нас едва ли возможно представить мир, в котором у нас было бы все необходимое вне зависимости от того, работаем мы или нет. Назовем это ощущение «реализмом работы»⁴⁹.

Как же разрушить «любовные чары» работы? Для начала необходимо понять: любить друг друга могут только люди. Любовь, как и солидарность, требует взаимности. Раньше считалось, что любовь обладает подрывным потенциалом именно потому, что она говорит людям: есть в жизни вещи поважнее работы. Неудивительно, что работа после этого поглотила любовь. Работа, в отличие от людей, не может полюбить нас. Если что-то и может помочь нам освободиться, – это именно узы солидарности, выходящие за пределы рабочих отношений.

Солидарность – одно из возможных обозначений для тех связей, что возникают между людьми в результате участия в классовой борьбе. Но класс – не просто набор характеристик, присущих определенной группе людей. Как писал историк Э. П. Томпсон, класс возникает в тот момент, «когда вследствие наличия общего опыта (унаследованного или совместно приобретенного) люди начинают чувствовать и выражать общность своих интересов, отличных от

⁴⁷ «Прогнозы уровня занятости населения». Министерство труда США, Бюро трудовой статистики. Таблица 1.4. Профессии, в которых в 2018 году наблюдался наибольший рост числа рабочих мест, и прогноз на 2028 год. URL: www.bls.gov/emp/tables/occupations-most-job-growth.htm.

⁴⁸ Weeks K. The Problem with Work. P. 76; Стэндинг Г. Прекариат.

⁴⁹ Чаки Денисон из Лордстауна заметил, что принимавшиеся начальством решения в большей степени были продиктованы стремлением не повысить качество производимых автомобилей, а усилить контроль над рабочими: «Менеджерам не нравится видеть, как вы улыбаются или просто приятно проводите время. Им больше по душе, когда вы несчастны и плохо работаете, чем когда вы счастливы и хорошо работаете». Jaffe S. The Road Not Taken // New Republic. 2019. June 24. URL: <https://newrepublic.com/article/154129/general-motors-plant-closed-lordstown-ohio-road-not-taken>; Weeks K. The Problem with Work. P. 20–23, 97; Грамши А. Тюремные тетради.

интересов других групп и обычно противоположных им». Часто, хотя далеко не всегда, ощущение классовой принадлежности рождается именно на рабочем месте, где рабочие осознают свою власть или ее отсутствие⁵⁰.

Рабочий класс – не устойчивая общность, не зафиксированная раз и навсегда категория. Он меняется по мере изменений внешних условий, в то время как капитализм трансформируется и создает новую трудовую этику, отвечающую его требованиям. Процесс, который мы называем «формированием класса», протекает по мере того как рабочие, чей труд и жизнь организованы капитализмом, начинают осознавать себя как класс и действовать в своих общих интересах. Мы наблюдаем этот процесс прямо сейчас: люди, прежде считавшие себя средним классом, начинают понимать, что их положение в системе властных отношений таково, что они все еще принадлежат к рабочему классу. У разработчицы видеоигр может быть гораздо больше общего с водителем Uber, чем она думала⁵¹.

Если к рабочему классу в широком смысле слова относятся все, кто *не руководит другими людьми* и кто практически лишен возможности влиять на свои условия труда (даже если, как в случае с водителем Uber или журналистом-фрилансером, за вами никто не надзирает), получается, что этот класс составляет значительную часть нашего общества⁵².

Современный рабочий класс более разнообразен в этническом и гендерном отношении, чем рабочие прошлого, какими их представлял себе Томпсон, для которого рабочий – это по умолчанию «он». Визит Трампа на предприятие Carrieg, в ходе которого он сфотографировался вместе с молодыми чернокожими сотрудницами, напоминает нам о том, что женщины составляют значительную часть рабочей силы, занятой в промышленности. Рабочий класс никогда не состоял исключительно из белых промышленных рабочих мужского пола, но в наши дни, как отмечает историк Габриэль Винант, он характеризуется «феминизацией, этнической диверсификацией и возрастающей прекарностью⁵³: широким распространением работы по уходу, привлечением иммигрантов, низкими зарплатами и развитием практик гиг-экономики⁵⁴». Кроме того, образ жизни рабочего класса сегодня определяют внешние факторы: жилье найти труднее, стоимость образования и здравоохранения растет, полиция ведет себя жестче, помимо оплачиваемой работы приходится трудиться, заботясь о близких, а на рабочих мигрантов давят иммиграционные службы, стараясь вытеснить их прочь из страны. Технологии позволяют начальству дробить график работникам розничной торговли; требовать от офисных служащих, чтобы они в любое время были готовы подключиться из дома; а тех, кто работает на удаленке, контролировать при помощи приложений, чтобы выжать из них все соки. Одна из

⁵⁰ Thompson E. P. *The Making of the English Working Class*. New York: Open Road Media, 2016, loc. 85–90, 624, Kindle.

⁵¹ Редакторы издания *Notes from Below* пишут, что класс состоит «из трех видов материальных отношений: 1) организации рабочей силы как рабочего класса (техническая составляющая); 2) организации рабочего класса как части классового общества (социальная составляющая); 3) самоорганизации рабочего класса как силы, участвующей в классовой борьбе (политическая составляющая)». Woodcock J. *Marx at the Arcade: Controllers, Consoles, and Class Struggle*. Chicago: Haymarket, 2019, loc. 979–983, Kindle. См. также раздел «About» на сайте *Notes from Below*. URL: <https://notesfrombelow.org/about/>; Weeks K. *The Problem with Work*. P. 94; Vishmidt M. *Permanent Reproductive Crisis: An Interview with Silvia Federici*. Mute. 2013. March 7. URL: www.metamute.org/editorial/articles/permanent-reproductive-crisis-interview-silvia-federici; Fisher M. *K-punk*, loc. 8888.

⁵² Draut T. *Sleeping Giant*. P. 5. Если мы, как предлагает Джошуа Кловер, перестанем ограничиваться изучением одной только рабочей силы, то увидим пролетариат в первоначальном смысле этого слова – «тех, у кого „нет запасов“, кто ничего собой не представляет, кому нечего терять кроме своих цепей и кто, следовательно, не может освободить себя, не разрушив весь существующий общественный строй». В таком случае частью пролетариата будут и работники, выброшенные капиталистической системой за ненадобностью, и те, кто выполняет неоплачиваемую работу по дому, занимаясь «трудом любви». Clover J. *Riot. Strike. Riot*, loc. 2026–2031.

⁵³ Прекарность – состояние нестабильности и отсутствия уверенности в завтрашнем дне. Термины «прекарность», «прекарный» часто используются для описания таких форм труда, при которых работник получает низкую зарплату, лишен гарантий занятости и многих трудовых прав.

⁵⁴ Разновидность фриланса, когда сотрудников нанимают для реализации конкретных проектов по краткосрочному договору, причем их вознаграждение зависит от результата (от *gig* – англ. «выступление»).

вещей, которые сегодня объединяют многих наемных работников, – это то, что их всех подстегивают при помощи мифа о любви к работе⁵⁵.

Работники, о которых пойдет речь в этой книге, оспаривают идею о том, что человек должен трудиться исключительно из любви к своей работе, и обращают наше внимание на концепцию эксплуатации, о которой слишком часто забывают; да и сам термин нередко используют неправильно.

Эксплуатация – не просто слово для обозначения ужасной работы или той, которая не нравится лично вам, – это заблуждение, навязанное нам через миф о любви к работе. На самом деле эксплуатация – это положение всех наемных сотрудников при капитализме, которые своим трудом производят больше стоимости, чем составляет получаемая ими заработная плата. Эксплуатация – это когда кто-то другой наживается на вашем труде. Неважно, работаете ли вы няней за 10 долларов в час, давая тем самым своему нанимателю возможность заниматься чем-то более высокооплачиваемым, или же программистом в Google за 200 тысяч долларов в год, в то время как компания благодаря в том числе вашему труду за год зарабатывает более 7 миллиардов. Миф о любви к работе – всего лишь новая попытка замаскировать эксплуатацию. Но ее жертвы все увереннее постепенно развенчивают этот миф⁵⁶.

На страницах этой книги вы встретите множество людей, которых вынуждали вкалывать во имя любви к своей работе. Среди них разработчик видеоигр и учительница истории, художница и сотрудница компании Toys “R” Us⁵⁷. Они создают коллективные пространства, запускают общенациональные кампании, организуют профсоюзы, лоббируют принятие новых законов и бастуют, требуя лучшего отношения к себе *как к работникам*. Знакомясь с их историями, мы проследим, как происходила экспансия идеи любви к работе, которая вышла далеко за пределы отдельных сфер занятости и захватывает сейчас все больше и больше профессий в современных постиндустриальных странах.

В первой части мы увидим, как идея любви к работе распространилась с неоплачиваемого труда женщин по дому на оплачиваемую домашнюю работу, преподавание, розничную торговлю и некоммерческий сектор. Сюда же можно отнести работу, выполняемую медсестрами, сотрудниками продуктовых магазинов, ресторанов и колл-центров. Стоит заметить, что в период пандемии коронавируса большинство этих занятий стали «жизненно важными»: люди перечисленных профессий вынуждены ходить на работу и рисковать своей жизнью, чтобы все остальные могли жить как прежде. Предполагается, что работники этих сфер должны быть милы и вежливы с клиентами, искренне заботиться о них, а также жертвовать своими личными интересами и потребностями.

Во второй части книги мы поговорим о второй составляющей нашей истории, связанной с художественной критикой капитализма. Мы увидим, как миф о голодающем, но преданном своему делу художнике распространился с людей искусства на стажеров, прекарных работников университетов, программистов и даже профессиональных спортсменов. В эту категорию также можно включить телепродюсеров, актеров, иллюстраторов, музыкантов и писателей – предполагается, что их работа сама служит вознаграждением за затраченные усилия, так как дает им возможность выразить себя и реализовать свои гениальные замыслы. Людям этих про-

⁵⁵ Draut T. *Sleeping Giant*. P. 120, 155; Weeks K. *The Problem with Work*. P. 62; Winant G. *The New Working Class. Dissent*. 2017. June 27. URL: www.dissentmagazine.org/online_articles/new-working-class-precarity-race-gender-democrats; Weiner L. *The Future of Our Schools: Teachers Unions and Social Justice*. Chicago: Haymarket Books, 2012. P. 137.

⁵⁶ «Существование эксплуатации всегда предполагает ту или иную форму принуждения, – пишут Болтански и Кьяпелло. – Но, тогда как в докапиталистических обществах эксплуатация чаще всего бывает прямой, в капитализме она осуществляется через ряд уловок, которые ее скрывают». Болтански Л., Кьяпелло И. *Новый дух капитализма*. С. 627 (перевод скорректирован. – Прим. пер.); Wakabayashi D. *Google, in Rare Stumble, Posts 23 % Decline in Profit // New York Times*. 2019. October 18. www.nytimes.com/2019/10/28/technology/google-alphabet-earnings.html.

⁵⁷ Американская компания, торговавшая игрушками, одеждой и другими товарами для детей. Существовала с 1948 года, закрылась в 2018-м.

фессий часто приходится слышать о том, что они должны быть благодарны уже за то, что у них есть возможность заниматься тем, чем они занимаются, ведь сотни людей мечтают иметь хотя бы наполовину столь же интересную работу.

Мои герои выступают против идеи о том, что человек должен трудиться, руководствуясь одной лишь любовью. Тем не менее многие из них получают истинное удовольствие от того, чем занимаются. Они открыли для себя радость неповиновения и коллективного действия, радость, которую испытывает человек, стоящий в пикете плечом к плечу со своими товарищами, выкраивающий время, чтобы вместе с единомышленниками бороться за лучшие условия труда. Они возвращают себе право заниматься во вне рабочее время тем, что считают нужным и важным.

Приглашаю вас присоединиться к ним.

<https://nplusonemag.com/issue-34/reviews/other-peoples-blood-2>; *Fisher M.* K-punk, loc. 7100; *Clover J.* Riot. Strike. Riot, loc. 1708–1710, 1861–1877, 2033–2036.

Часть I

Так называемая любовь

Глава 1

Продукты распада: семья

Рэй Мэлоун узнала о том, что беременна, когда работала над своим первым театральным проектом.

Ей было около тридцати, она жила в Лондоне и искала способ говорить о политике через искусство. Однажды Рэй увидела объявление с предложением принять участие в феминистском арт-фестивале. «Это было в 2014 году, за четыре дня до того, как я узнала, что беременна», – рассказывает она. До Брексита оставалось несколько лет. Партия независимости Соединенного Королевства (УКИП), выступавшая за ужесточение миграционной политики и выход Великобритании из Евросоюза, в то время регулярно попадала в сводки новостей. «Казалось, что УКИП – это несерьезно, ведь [ее лидеры] постоянно несли какую-то чушь», – говорит Мэлоун. Одержимость партии традиционными гендерными ролями натолкнула ее на мысль устроить тематическое танцевальное выступление в стиле свинг, так что она приступила к реализации своего замысла вместе с еще одной театральной режиссеркой, собиравшейся организовать УКИП-кабаре.

Беременность стала для Мэлоун шоком. «Это было довольно жестко, – объясняет она. – Врачи думали, что у меня внематочная, – такие сильные боли я испытывала. Оказалось, что там киста размером с апельсин». Тогда же Мэлоун узнала, что у нее эндометриоз. Ей объяснили, что если она не сохранит этого ребенка, то, скорее всего, не сможет иметь детей в будущем. А ей очень хотелось стать мамой.

Мэлоун – миниатюрная женщина с бледной кожей и руками художницы, которые все время заняты: что-то вышивают или просто жестикулируют. Когда она рассказывает какую-нибудь историю, то вся светится, и в такие моменты чувствуется обаяние Мэлоун, которым полны ее театральные постановки.

Все время своей беременности она танцевала, носила пышный парик и наряды с преувеличенно феминными силуэтами, воплощая и одновременно высмеивая стереотипные представления о женственности, которые ей навязывали всю жизнь. «Вот почему моя дочка родилась такой музыкальной», – смеется она. Тогда она воплощала в жизнь свой первый проект политического театра, над которым работала вместе с разными группами активистов – их число увеличивалось по мере того, как британские политики делали все более и более дикие заявления. «Один из членов совета УКИП сказал, что наводнения происходят из-за геев, и мы решили, что в нашей постановке должна участвовать труппа мужчин-геев, поющих „It’s Raining Men“»⁵⁸. Мэлоун и ее единомышленники приехали со своим кабаре в родной город Найджела Фаража, основателя и лидера УКИП. Узнав, что тот находится в пабе неподалеку, они попробовали зайти туда, танцуя конгу⁵⁹. В паб активисток не пустили, зато Фараж сам вышел из заведения и начал с ними ругаться. Потом он рассказал журналистам, что на него якобы напали леваки, пресле-

⁵⁸ «It’s Raining Men» – песня американской группы The Weather Girls (1982). Стала международным хитом, продажи составили более 6 миллионов копий по всему миру; сегодня считается гимном геев и одиноких женщин.

⁵⁹ Конга – танец африканского происхождения, популярный на Кубе и в странах Латинской Америки. Танцующие стоят друг за другом, образуя цепочку.

дующие его детей. Мэлоун вспоминала, что Фараж назвал их «подонками» на страницах Daily Mail⁶⁰.

После возвращения в Лондон участники кабаре собрались, чтобы обсудить все, что произошло. На встречу заявили члены ультраправой националистической группировки Britain First («Британия превыше всего») и попытались их запугать. «Помню, как говорила себе: „Не нервничай, это вредно для ребенка“, – рассказывает Мэлоун. – Парни из Britain First говорят нам: „Мы вам покажем, как пугать чужих детей“. „Зачем ты преследуешь детишек, ведьма-левачка?“» Однако ее подруги объяснили членам Britain First, что среди них даже есть беременная женщина. «А мы такие: „Да нет, она хорошая“».

«Таким вот был мой путь к материнству», – говорит моя собеседница. «Хорошая мать», «плохая мать» – мысли, связанные с этими клише, преследовали Мэлоун. Сама она выросла в «довольно патриархальной семье», теперь же ей предстояло одной воспитывать ребенка, и было нервно. Кроме того, не давал покоя стереотип о женщинах из рабочего класса, которые заводят детей исключительно для того, чтобы получать социальное пособие.

Мэлоун родилась в Северном Уэльсе, она младшая из шести детей. К тому времени, когда девочка появилась на свет, ее родители достигли относительно устойчивого экономического положения, но все равно продолжали считать себя рабочим классом. Отец Мэлоун был преподавателем английского и тренером по скалолазанию, мать в юности бросила школу и нашла работу, связанную с искусством. «Мы все вполне творческие люди, и я думаю, что это передалось нам от мамы, которая работала в художественном магазине, когда ей было шестнадцать», – рассказывает Мэлоун. Отец также способствовал приобщению детей к творчеству. Поэт Джон Купер Кларк, учившийся английскому у отца Мэлоун, вспоминал, что эти уроки вдохновили его начать писать стихи. Ученикам Джон Мэлоун говорил: «Пишите, как великие мастера, но пишите о том, что знаете». Эти же слова стали девизом Рэй Мэлоун в театральном искусстве.

Работать в искусстве нелегко, отмечает Мэлоун. Она рассказывает, что во время беременности задавалась вопросом: «А я точно смогу обеспечить дочку? Сама-то я могу неделю жить на фасоли и хлебе, но нельзя морить голодом ребенка из-за того, что его мама хочет сделать театральную карьеру».

Отцом ребенка был человек, с которым Мэлоун в то время находилась в близких отношениях (они вместе руководили театральной труппой), воспитывать сына или дочь они собирались вместе. Однако вскоре их союз распался. Осознав, что после рождения ребенка ей потребуется больше денег, – и ужаснувшись ценам на жилье в Лондоне, – Мэлоун на восьмом месяце беременности решила переехать в Шеффилд, чтобы быть поближе к сестре.

Сестра помогала Мэлоун и ходила за покупками, а та, в свою очередь, присматривала за ее детьми. «Сразу после рождения ребенка женщина очень уязвима, – отмечает Мэлоун. – Время от времени вы ходите на прием к врачу, который спрашивает, все ли у вас в порядке и нормально ли ваш ребенок спит по ночам. Но никто не спросит: „Как вы справились с переездом в другой город за три тысячи километров, где никого не знаете, с младенцем на руках, не имея при этом никакого представления о том, чем заниматься всю оставшуюся жизнь?“» Политическая ситуация только усугубляла положение Мэлоун. Брексит расколол британское общество. К тому же Мэлоун скучала по своим единомышленникам, с которыми делала политическое кабаре.

Незадолго до первого дня рождения Нолы (так Мэлоун назвала дочь) ей позвонил друг из театра и предложил поставить «Бурю» Шекспира в Греции. В итоге Мэлоун руководила женской театральной труппой на острове Лесбос, пока маленькая Нола сидела у нее на коленях.

⁶⁰ Kelly T., Crawford H. Terror of Farage Children as Mob Storms Pub Lunch: Leader Brands Anti-Ukip Protesters as “Scum” After His Family Are Forced to Flee Activists and Breastfeed Militants // Daily Mail. 2015. March 22. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-3006560/Nigel-Farage-brands-anti-Ukip-protesters-scum-invaded-pub-having-family-lunch-leaving-children-terrified.html.

Это была идиллия: «Меня окружало множество женщин, которые всегда могли присмотреть за моей дочкой, пока я руководила постановкой под открытым небом».

Но после спектакля Мэлоун и Нола вернулись в свой старый дом, расположенный «в общем-то, у черта на куличках». От него до Манчестера 20 минут на поезде, но проделывать такой путь с маленьким ребенком было тяжело. «Я оказалась в изоляции», – говорит Мэлоун. Ей не нужно было платить за жилье и ходить на работу, но жизнь в полном одиночестве угнетала женщину. Она отмечает, что «не у всех получается „правильно“ завести ребенка», так, чтобы были партнер и ипотека. «Если вы занимаетесь искусством, вам часто кажется, что ваш род занятий – это роскошь, что вы словно играете чью-то роль», – говорит моя собеседница. Мэлоун изучала театральное искусство в аспирантуре и не хотела бросать карьеру, в которую вложила столько сил и времени. Но, отмечает она, «тут передо мной встал серьезный вопрос, с которым сталкиваются многие актеры: а как долго я смогу продолжать жить таким образом?» За несколько лет до этого она поработала в России гувернанткой в богатой семье, насмотрелась на разные проявления богатства, но это лишь больше вдохновило ее продолжать заниматься творчеством. «В мире искусства все реже и реже слышатся голоса людей из рабочего класса», – объясняет свое решение Мэлоун.

Поэтому, когда ей снова представилась возможность поставить «Бурю», на этот раз в Лондоне, она пришла в восторг. Нола могла быть поближе к отцу, а Мэлоун получила возможность заработать. Поначалу, правда, сводить концы с концами в Лондоне было почти невозможно: «Какое-то время я делила дом с другими людьми, но жизнь в крохотной комнатухе с двухлетним ребенком оказалась настоящим кошмаром». Потом она фактически оказалась бездомной, работая домработницей то у одной семьи, то у другой. «Это был очень, очень большой стресс, – вспоминает Мэлоун. – Куда нас занесет дальше, мы не знали. Денег не было. Мы были сами по себе».

Она жила на «универсальный кредит» (так называется новая британская программа помощи малоимущим) и перебивалась случайными подработками – «всем, что под руку попадется». Кроме того, ей помогал отец девочки. Однако для того, чтобы жить рядом с ним, Мэлоун с Нолой пришлось перебраться «в очень богатый район Лондона, где мы чувствовали себя совсем нищими». Если вы получаете «универсальный кредит», на вас смотрят как на прокаженных (особенно в богатом районе, отмечает Мэлоун). Кроме того, никто не считает воспитание ребенка «настоящей» работой. «Я попыталась отдать дочку в ясли, но мне сказали: „Это будет стоить 150 фунтов в месяц“, – рассказывает Мэлоун. Работница яслей стала задавать дополнительные вопросы, касающиеся финансового положения моей собеседницы, и Мэлоун объяснила, что получает «универсальный кредит», но ее бывший партнер работает учителем: «И тут эта женщина из яслей заявляет мне по телефону: „Вот если бы вы работали, у вас были бы деньги“. Это было как ножом по сердцу... все равно, что назвать человека отбросом общества».

В тот период, когда Мэлоун часто меняла место жительства, местный совет предложил помочь ей с переездом в Бирмингем. В Лондоне размер пособия на жилье часто оказывается ниже, чем стоимость аренды, поэтому для многих единственным выходом оказывается переезд в другой город. Правда, живя в Лондоне, Мэлоун могла хотя бы рассчитывать на помощь бывшего партнера. «Но мы тратим столько денег на аренду... – говорит она. – Я периодически думаю: „Господи, на что бы мы могли потратить эти деньги, если бы не нужно было платить за аренду? Может быть, я наняла бы учителя музыки для дочери? Или мы смогли бы съездить в отпуск?“»

Однако, приступив к поискам работы на полную ставку, Мэлоун столкнулась с новыми трудностями. Чтобы продолжать получать «универсальный кредит», необходимо периодически посещать центр занятости. Кроме того, по мере взросления ребенка требования к получателю пособия становятся все более жесткими. К тому моменту, когда Ноле исполнилось три

года, Мэлоун должна была параллельно искать постоянную работу и регулярно встречаться со «специалистом по занятости». Хотя Нола ходила в школу, забота о ней отнимала слишком много сил, и Мэлоун начала задаваться вопросом, стоит ли ей вообще искать работу. Она отмечает, что родители находятся под непрерывным прессингом: «У женщин забирают детей, а виной всему то напряжение, которое они постоянно испытывают: из-за бедности, из-за режима жесткой экономии, из-за той ужасной ситуации, в которой мы все оказались. Я окончила аспирантуру, но мне все равно приходится очень трудно. Об этом тяжело рассказывать. Ни одна женщина не хочет, чтобы ее считали плохой матерью»⁶¹.

* * *

Любовь – женская работа. Девочкам твердят об этом с самого рождения; в детстве их наряжают в розовый, цвет Дня святого Валентина. Пока они растут, их всевозможными способами убеждают, что они должны внимательно относиться к людям вокруг, улыбаться, радовать глаз. Устойчивость гендерных ролей прежде всего обеспечивается институтом семьи, который даже в нашу якобы постфеминистскую эпоху вращается вокруг неоплачиваемой работы по уходу за другими людьми. А если женщина не способна должным образом выполнять эту работу, говорит Рэй Мэлоун, ее обвиняют в том, что она «плохая мать», а это часто значит «плохая женщина»⁶².

Труд любви, таким образом, начинается дома. Нам по-прежнему говорят, что убираться в доме и готовить, лечить разбитые коленки, учить детей ходить, говорить и думать, утешать их, сглаживать острые углы – все это естественно для женщины. Считается, что для этого не требуется никаких навыков и что ничему из этого не нужно учиться на практике, в отличие от любых других занятий. Эта убежденность перекочевала из домашней в рабочую сферу, затронув миллионы людей, не все из которых женщины: им недоплачивают, их перегружают работой, их труд обесценивают. Наша готовность согласиться, что работа женщины заключается в том, чтобы любить, а любовь при этом вознаграждает сама себя и не должна быть осквернена деньгами, играет на руку капиталу.

В этом нет ничего естественного. Семья была и остается социальным, экономическим и политическим институтом. Она развивалась параллельно с другими институтами, капитализмом и государством, и так же, как эти институты, превратилась в механизм, контролирующий труд и управляющий им, – в данном случае речь о женском труде. Как пишет историк Стефани Кунц, оплакивать упадок гетеросексуальной нуклеарной семьи с двумя родителями значит вздыхать по «тому, чем мы никогда не были», по такой форме общественного устройства, которая никогда не была инклюзивной и от существования которой мало кто выигрывал. Это значит сожалеть о разрушении системы, призванной сохранять такое положение дел, когда женщины ничего или почти ничего не получают за свой труд⁶³.

Трудовая и семейная этика развивались параллельно, и они по-прежнему взаимосвязаны. Когда мы слышим о «балансе между работой и личной жизнью», речь чаще всего идет о женщинах, которые пытаются выкроить время, чтобы провести его с семьей. Иначе говоря, семью

⁶¹ Single Parents: Claimant Commitment Under Universal Credit // Turn2Us. URL: www.turn2us.org.uk/Your-Situation/Bringing-up-a-child/Single-parents-and-Universal-Credit.

⁶² *bell hooks*. *Communion: The Female Search for Love*. New York: William Morrow, 2002. P. xiii – xviii.

⁶³ *Coontz S.* *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap*. New York: Basic Books, 2016; *Michele Barrett and Mary McIntosh*, *The Anti-Social Family* (New York: Verso, 2014), loc. 35–37, Kindle. Французский философ Ален Бадью пишет: «Если поиграть со значения слова *state* (английское слово *state* и французское *état* можно перевести на русский и как «государство», и как «состояние». – *Прим. пер.*), то семью можно определить как государство любви». *Badiou A., Truong N.* *In Praise of Love*. London: Serpent's Tail, 2012. P. 54; *Davis A. Y.* *JoAnn Little: The Dialectics of Rape // The Angela Y. Davis Reader / ed. J. James*. Hoboken, NJ: Blackwell, 1998. P. 158. См. также: *Patel R., Moore J. W.* *A History of the World in Seven Cheap Things: A Guide to Capitalism, Nature, and the Future of the Planet*. Berkeley: University of California Press, 2018.

изображают таким образом, будто она конкурирует с требованиями капитализма. Но теоретики еще начиная с Карла Маркса и Фридриха Энгельса указывали, что семья, какой мы ее знаем, призвана обеспечивать бесперебойное функционирование капиталистической системы: она воспроизводит работников, без которых эта система не может существовать. Вот почему не только деторождение, но и забота, приготовление пищи, утешение плачущего ребенка и все в том же духе – это тоже «репродуктивный труд». Институт семьи находится в кризисе, поскольку в кризисе капитализм – и если мы сейчас видим, как по этой системе ползут трещины, то лишь потому, что истории об этих институтах, которые нам рассказывали все это время, больше не в состоянии скрывать истинное положение дел⁶⁴.

Нет ничего естественного и природного в семье с двумя родителями и двумя-пятью детьми, живущей в домике за забором, как нет ничего естественного и природного в автомобиле, на котором она передвигается. Такая семья возникла в результате исторического процесса, полного насилия, борьбы и того, что мы воспринимаем как эволюцию. Как пишут Кунц и антрополог Пета Хендерсон, единственное «естественное» в репродуктивной деятельности – тот факт, что люди, которых мы привыкли считать женщинами, всегда были «источником новых членов общества». Однако выделение репродуктивного труда как отдельной категории не означало автоматически, что один тип труда станет оплачиваемым, будет цениться и мифологизироваться, а другой – обесцениваться и вовсе не считаться работой⁶⁵.

Ученые спорят, какие именно причины привели к установлению господства мужчин, или того, что мы можем назвать патриархатом. Но они дают нам подсказки, которые помогут ответить на вопрос, как мы оказались в мире, где женщины по-прежнему выполняют большую часть неоплачиваемого труда. Когда древние люди начали производить больше, чем могли потребить (по отдельности или всей группой), они начали обмениваться с другими группами произведенными благами, а также людьми – сегодня такой обмен называется браком. Когда появилась частная собственность и произведенные блага стало нужно передавать по наследству, мужчины начали придавать большее значение контролю над репродуктивной деятельностью и другими формами труда, ложившимися на плечи женщин. Иначе говоря, женщин не просто подавляли, их *эксплуатировали*⁶⁶.

Такая эксплуатация, подчинение женского труда, частично достигалась насильственным путем, но поддерживать ее помогала идеология. По мере становления института «семья» уменьшилась до размеров того, что сейчас называется нуклеарной семьей. Уже во времена Древней Греции домашнее хозяйство стало играть центральную роль в функционировании общества, и было установлено, что место женщины – дома⁶⁷.

⁶⁴ Weeks K. *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press, 2011. P. 63; Cooper M. *Family Values: Between Neoliberalism and the New Social Conservatism*. Brooklyn, NY: Zone Books, 2019, loc. 29–30, Kindle; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 23–178. См. также: James S. *Sex, Race and Class: The Perspective of Winning*. Oakland, CA: PM Press, 2012; Briggs L. *How All Politics Became Reproductive Politics*. Berkeley: University of California Press, 2017. P. 2.

⁶⁵ Coontz S., Henderson P. Introduction: ‘Explanations’ of Male Dominance // *Women’s Work, Men’s Property: The Origins of Gender and Class* / ed. S. Coontz, P. Henderson. London: Verso, 1986, loc. 66–205, 431–433, Kindle; Coontz S., Henderson P. Property Forms, Political Power, and Female Labour in the Origins of Class and State Societies // *Women’s Work, Men’s Property*, loc. 2276–2279.

⁶⁶ Coontz S., Henderson P. Introduction, loc. 608–772; Leibowitz L. In the Beginning...: The Origins of the Sexual Division of Labour and the Development of the First Human Societies // *Women’s Work, Men’s Property*, loc. 959–982; Chevillard N., Leconte S. The Dawn of Lineage Societies: The Origins of Women’s Oppression // *Women’s Work, Men’s Property*, loc. 1612–1642, 1799–1800.

⁶⁷ Швейяр и Леконт пишут: «Начало эксплуатации человека человеком было положено эксплуатацией женщины мужчиной. Эта первоначальная форма эксплуатации заложила основу для того, чтобы впоследствии власть имущие (речь опять же о мужчинах) начали эксплуатировать людей обоих полов». Chevillard N., Leconte S. *The Dawn of Lineage Societies*, loc. 2135–2136. Coontz S., Henderson P. *Property Forms*, loc. 2659–2660, 2849–2890. Энгельс также едко заметил, что мужчинам «никогда... не приходило в голову» стать моногамными; моногамия была только для женщин. Энгельс Ф. *Происхождение семьи*. С. 56.

Конечно, это не значит, что в Афинах во времена Платона институты работы и семьи были такими же, как в Америке 1950-х годов. Разница как минимум в том, что залогом процветания Афин был труд рабов, а не белых рабочих-мужчин, состоящих в профсоюзах. Но подчинение женщины и снижение ценности ее труда были прочно закреплены в момент рождения государства как института, задолго до появления капитализма⁶⁸.

Капитализм, однако, принес с собой целый набор новых практик, предполагавших разделение домашнего труда и контроль над ним. В феодальной Европе не существовало той границы между «домом» и «работой», которая возникла при капитализме. В городах раннего Средневековья женщины получили определенную степень свободы: они работали врачами, мясниками, учителями, торговцами и кузнецами. В докапиталистической Европе, пишет Сильвия Федеричи, «подчинение женщин мужчинам смягчалось тем, что у них был доступ к общинной собственности и прочим общинным ресурсам». При капитализме, однако, «женщины сами стали общественным ресурсом, ибо их работа была определена как естественный ресурс, лежащий вне сферы рыночных отношений»⁶⁹.

Реорганизация репродуктивного труда началась с кровопролития: кровь лилась в ходе охоты на ведьм, которая и создала семейные отношения в их современном виде. Женщин лишили прежних прав, доступа к зарплате и возможности собираться группами или жить поодиночке. Единственное безопасное место для женщины теперь было подле мужчины. Главной целью охоты на ведьм стали женщины, которые отказывались выходить замуж и владели небольшой собственностью, – прежде всего акушерки, целительницы и все те, кто способен контролировать репродуктивную деятельность и проводить аборты. Террор работал хорошо, ведь в колдовстве могла быть обвинена почти любая женщина. Он и помог сформировать то, что мы сейчас называем гендером⁷⁰.

Охота на ведьм была призвана не только вытеснить женщин с общинной земли и загнать их обратно в дома. Она также напоминала всем людям о том, что произойдет, если они откажутся трудиться. Искоренение народной веры в магию, пишет Федеричи, сыграло ключевую роль в создании трудовой этики капитализма: магия была «незаконной формой власти и способом *получить что угодно без труда*, то есть настоящим отказом от работы». Наказание (а иногда и истязание) тела в ходе охоты на ведьм заложило основу для рабочей дисциплины – речь идет не только о рабочем графике, но и об изнурении больных мышц, усталых суставов и измученных умов, о которых теперь должны были заботиться женщины⁷¹.

⁶⁸ «У Еврипида, – пишет Энгельс, – жена обозначается словом *oikurema*, как вещь для присмотра за хозяйством (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой». Энгельс Ф. Происхождение семьи. С. 67; Irigaray L. Women on the Market. URL: <https://caringlabor.wordpress.com/2010/11/10/luce-irigaray-women-on-the-market>. См. также оригинальную публикацию: Irigaray L. Le marche des femmes // *Sessualita e politica*. Milan: Feltrinelli, 1978.

⁶⁹ Федеричи С. Калибан и ведьма. Культурная ассоциация Womenation-KD 16, 2018. С. 29–30, 36–37. 118. За исключением отдельно оговоренных случаев в цитатах воспроизводится курсив оригинала.

⁷⁰ Федеричи объясняет: «Маркс ввел понятие „первоначального накопления“ в конце первого тома „Капитала“ для описания социальной и экономической перестройки, начатой европейским правящим классом в ответ на кризис накопления, и установил (в полемике с Адамом Смитом), что: 1) капитализм не мог бы развиваться без предварительной концентрации капитала и рабочей силы; 2) отчуждение рабочих от средств производства, а не „воздержание“ богатых, – вот источник капиталистического богатства. Первоначальное накопление в таком случае является полезной концепцией, ибо она соединяет „феодалную реакцию“ с развитием капиталистической экономики и показывает *исторические и логические* условия для развития капиталистической системы, „первоначально“ выявляя предпосылки для существования капиталистических отношений как конкретное событие во времени». Федеричи С. Калибан и ведьма. С. 15–17, 19–20, 76–77, 106–108 (перевод скорректирован. – Прим. пер.). Patel R., Moore J. W. A History of the World. P. 125. Охотники на ведьм были крайне обеспокоены коллективными действиями женщин, отмечают Барбара Эренрайх и Дейдрэ Инглиш: «Ведьмы были не просто женщинами, но создательницами тайного общества невероятного масштаба». Ehrenreich B., English D. *Witches, Nurses and Midwives*. New York: Feminist Press, 2010. P. 42.

⁷¹ Федеричи С. Калибан и ведьма. С. 165–167, 176.

Так была создана дихотомия между «домом» и «работой», а вместе с ней и множество других бинарных оппозиций, которые продолжают определять наши представления о мире: «разум» и «тело», «технология» и «природа» и, конечно, «мужчина» и «женщина». В этот период складывается и концепт расы в том виде, в каком мы знаем его сегодня, тогда же представителей некоторых рас начали называть «прирожденными рабами», а в обществе принялись наказывать людей за нерепродуктивные формы секса. По завершении этого периода потрясений не только заперли дома женщин, лишив их оплаты труда и сделав бесправными, но и уничтожили саму память о насилии, сформировавшем такую ситуацию. «Женский труд стал восприниматься как природный ресурс, – пишет Федеричи, – который доступен каждому, как воздух, которым мы дышим, или вода, которую мы пьем». Даже женская сексуальность, утверждает она, была превращена в работу. Джейсон У. Мур и Радж Пател в книге «История мира в семи дешевых вещах» («A History of the World in Seven Cheap Things») назвали этот период временем «великого одомашнивания»⁷².

Вот как возник тот двойной узел, которым по сей день связаны матери, в том числе и Рэй Мэлоун: воспитание детей не считается достаточно важной работой, чтобы за нее платить, но если вы покажете, что у вас есть другие приоритеты помимо дома, вас клеймят как плохую мать. Границы всегда проницаемы и подвижны, но из-за этого от клейма еще труднее избавиться.

Даже после того как разделение между «домом» и «работой» прочно вошло в жизнь, капиталисты с радостью отправляли множество женщин и детей трудиться на мельницах и в шахтах наряду с мужчинами или вместо них: в те времена они без стеснения могли говорить, что предпочитают проворные маленькие пальчики. Кроме того, таким работникам можно было платить меньше, чем мужчинам. На заре эры наемного труда никто не делал вид, будто подобная работа может приносить удовольствие: ты либо трудился, либо голодал. Зная, насколько мучительна жизнь наемного работника, люди готовы были делать все что угодно, лишь бы избежать такой участи, поэтому хозяевам – и государству – необходимо было добиться того, чтобы без работы по найму люди жили еще хуже, чем с ней⁷³.

Из этой необходимости возникла традиция помощи бедным, по сей день определяющая политику в области социального обеспечения. Рабочий класс часто бунтовал: раннекапиталистическую Англию будоражили нападения луддитов на фабрики, ранние формы тред-юнионизма и всяческие беспорядки. Хотя за непродуктивную деятельность полагались суровые наказания (попрошайничество могло караться «публичной поркой, пока не пойдет кровь»), власти уступили давлению и создали своего рода предохранительный клапан в виде помощи беднякам. Но английские «законы о бедных» служили интересам хозяев. Пособия были настолько незначительными, а наказания настолько суровыми, что любая работа казалась предпочтительнее, чем жизнь на пособие; часто, чтобы получить жалкие гроши помощи, беднякам приходилось жить и трудиться в работных домах. В этом отношении государство, якобы помогая людям из великодушия, укрепляло трудовую этику, прививая представление о том, что они должны быть благодарны за предоставленную работу. Наследие «законов о бедных» и по сей день живо в репрессивных структурах «универсального кредита», с которыми столкнулась Рэй Мэлоун⁷⁴.

⁷² Федеричи С. Калибан и ведьма. С. 117–118, 184–186, 236–237. Пател и Мур пишут: «Для того чтобы обеспечить функционирование системы, государству необходимо было навязать населению категории мужского и женского. Тела людей, не вписывавшихся в эти рамки, подвергали хирургическим операциям, чтобы привести их в соответствие с той или иной категорией». Patel R., Moore J. W. A History of the World. P. 117, 121, 128. Sears A. Body Politics: The Social Reproduction of Sexualities // Social Reproduction Theory: Remapping Class, Recentering Oppression / ed. T. Bhattacharya. London: Pluto Press, 2017. P. 173–174.

⁷³ Thompson E. P. The Making of the English Working Class. New York: Open Road Media, 2016, loc. 3881, 3974, Kindle.

⁷⁴ Idem, 4352, 4358, 4365–4376; Piven F. F., Cloward R. Regulating the Poor: The Functions of Public Welfare. New York: Vintage, 1993, loc. 203, 358, 372, 417–429, 431, 442, Kindle; Cooper M. Family Values, loc. 1080.

Законы о бедных также навязали людям идею ответственности за семью, согласно которой родственники должны поддерживать друг друга и только если другого выхода нет, обращаться за государственной помощью. Позже были введены специальные пособия для людей с инвалидностью и, что важно, для вдов и матерей – людей, исключенных из трудовых отношений из-за их особенностей или гендера. Таким образом, государство одновременно сформировало семейную и трудовую этику⁷⁵.

Капитализм продолжал свой марш по планете, принося с собой институт семьи, зачатую – на острие меча. Например, в колониях, которые позже превратились в Соединенные Штаты Америки, образ жизни коренного населения насильственно реорганизовали так, чтобы он соответствовал представлениям колонизаторов о семье, а землю, прежде находившуюся в общинной собственности, сделали частной и передаваемой по наследству. Даже несмотря на то что институт семьи навязали местным жителям извне, его провозглашали естественной и неизбежной формой организацией жизни и труда, якобы выгодной для всех⁷⁶.

* * *

Для того чтобы создать современный миф о «работе по любви», требовалось не только замалчивать насилие внутри институтов семьи и труда, но и придать им романтический лоск. Брак в первые столетия своего существования имел мало общего с любовью. Когда это изменилось и возник идеал «брака по любви», он привел к созданию новых мифов о домашней работе.

Раз брак заключается по любви, выходит, что замужняя женщина выполняет свою работу тоже по любви. Таким образом, брак и работа по дому становятся теми вещами, в которых женщины должны в первую очередь находить удовлетворение и самореализацию. На протяжении многих веков популярная культура использует любовь и брак в качестве материала для создания нарративов – от романов Джейн Остин до оscarоносной картины 2019 года «Брачная история», – а блоги «мамочек» и лайфстайл-аккаунты в инстаграме, как пишет журналистка Келли Мария Кордуки, до сих пор используют романтические архетипы XIX века. Они стали такими популярными благодаря новым для тех времен женским журналам и романам, которые описывали сферу жизни женщин как пространство удовольствия, а не труда⁷⁷.

Представление о семье как о романтическом убежище от бремени труда было буржуазным идеалом, который проникал в менее благополучные социальные группы; как и большинство подобных «подарков», на деле он представлял собой полную противоположность тому, что заявлялось на словах. Состоятельные люди имели возможность заключать браки по любви, а не просто по расчету; белая домохозяйка из среднего класса могла нанять прислугу для выполнения тяжелой домашней работы, а сама посвятить себя романтизированному эмоциональному труду. Но женщинам из рабочего класса приходилось заниматься и тем и другим⁷⁸.

⁷⁵ Idem, loc. 1080–1089, 1107–1109. Предоставление помощи нуждающимся слоям населения, пишут Пивен и Кловард, – часть процесса «определения и навязывания условий, на которых представители тех или иных классов будут выполнять различные виды работы; иными словами, такая помощь во многом способствует сохранению социального и экономического неравенства». *Piven F. F., Cloward R. Regulating the Poor*, loc. 201, 217, 978.

⁷⁶ Томпсон отмечает, что вышедшие на работу женщины зачастую с тоской вспоминали о временах, когда они занимались домашним хозяйством, «поддерживая сосредоточенный вокруг дома образ жизни, при котором женщины в большей степени зависели от прихотей членов семьи и внутреннего принуждения, чем от внешней дисциплины». *Thompson E. P. The Making of the English Working Class*, 8587, 8617, 8634, 8643. *Patel R., Moore J. W. A History of the World*. P. 128. Можно привести такой пример вмешательства в жизнь коренных народов Америки: «Принятый в 1887 году акт Дауэса разделил заповедные земли американских народов на участки по сорок акров, распределенные между нуклеарными домохозяйствами, во главе которых стояли мужчины». *Mohandesi S., Teitelman E. Without Reserves // Social Reproduction Theory*. P. 41.

⁷⁷ *Korducki K. M. Hard to Do: The Surprising Feminist History of Breaking Up*. Toronto: Coach House Books, 2018. P. 41, 53–54; *Davis A. Y. Women, Race and Class*. New York: Vintage, 1983. P. 12.

⁷⁸ *Kipnis L. Against Love: A Polemic*. New York: Vintage, 2009. P. 60.

Вместе с тем в семье есть место настоящей любви, и именно это делает такой привлекательной всю концепцию, а заодно и окружающие ее идеологии. Как заметила Анджела Дэвис в работе «Женщины и капитализм» («*Women and Capitalism*»), семья удовлетворяет вполне реальные человеческие потребности, «которые нужны всем, кто сохраняет в себе человечность. В капиталистическом обществе на женщину возложена особая миссия – одновременно быть источником и вместилищем целого ряда эмоций, которые иначе были бы просто исключены из жизни общества»⁷⁹.

Эмоциональная поддержка, забота, сексуальное самовыражение и настоящая любовь в семьях – не плод нашего воображения или ложного сознания, они существуют. Но все же во многом на то, как мы их воспринимаем, повлияла система, ориентированная на получение прибыли, а не на самореализацию человека. Как писала Белл Хукс⁸⁰, обязанность жены заключается в том, чтобы «самостоятельно производить любовь на домашней фабрике и предлагать ее мужчине, когда он возвращается домой». В семье мужчина-работник может без риска для себя выплеснуть тот гнев, который вынужден скрывать от босса; но семья, кроме того, также учит настоящей эмоциональной связи – тому самому навыку, который, как отмечает теоретик и организатор Сельма Джеймс, необходим для создания движений, борющихся за социальные изменения⁸¹.

Капиталистическое общество ценит сексуальность прежде всего в рамках брака, где она, как предполагается, должна отвечать за производство детей, которые вырастут и станут новыми работниками. Однако из-за того бремени, что ложится на семью при капитализме, сохранение любви в браке оказывается невероятно сложной задачей: когда на семью возлагается все больше ожиданий, а участники пары постепенно замыкаются друг на друге и перестают взаимодействовать с другими людьми, их брак грозит рухнуть под собственной тяжестью. Из-за такого давления, пишет Джеймс, брак становится столь враждебной средой, что «удивительно, как мужчины и женщины вообще разговаривают, тем более живут вместе и любят друг друга»⁸².

Институт брака постоянно меняется, под воздействием критики приспособившись к потребностям обществ, которые живут в соответствии с установленными в них системами властных взаимоотношений. Избавиться от старой идеологии «разделения сфер», согласно которой дом – это территория женщины, а работа – территория мужчины, оказалось крайне непросто. Однако такой идеализированный образ жизни никогда не был универсальным⁸³.

Если нуклеарная семья (и общество, которое, как писал Энгельс, представляет собой «массу, состоящую... из индивидуальных семей, как бы его молекул») возникла относительно недавно, то ситуация, когда рабочие классы смогли позволить себе такой образ жизни (муж на работе, а жена занимается бесплатным домашним трудом), тем более нова. Этот сдвиг привел к тому, что еще больше женщин стали испытывать то давление, о котором говорит Рэй Мэлоун: от них начали требовать, чтобы они соответствовали идеалу женского совершенства, выполняя работу по дому, причем часто в одиночку⁸⁴.

⁷⁹ Davis A. Y. *Women and Capitalism: Dialectics of Oppression and Liberation* // *The Angela Y. Davis Reader*. P. 177.

⁸⁰ Глория Джинн Уоткинс, известная под псевдонимом Белл Хукс (принципиально пишет его со строчных букв), – американская писательница, феминистка и социальная активистка.

⁸¹ Mohandesi S., Teitelman E. *Without Reserves*. P. 39; James S. *Sex, Race and Class*. P. 163–171, 177; Barrett M., McIntosh M. *Anti-Social Family*, loc. 266–267; *bell hooks*. *Communion*. P. 78.

⁸² Federici S. *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*. Oakland, CA: PM Press, 2012. P. 24; Barrett M., McIntosh M. *Anti-Social Family*, loc. 814–815; James S. *Sex, Race and Class*. P. 153.

⁸³ Интервью с Эмбер Холлибо, беседовала Келли Андерсон. Проект устной истории «Голоса феминизма» (*Voices of Feminism Oral History Project*), собрание Софии Смит. Колледж Смит, Нортгемптон, штат Массачусетс, 2003–2004. P. 69; Fraser N. *Crisis of Care? On the Social-Reproductive Contradictions of Contemporary Capitalism* // *Social Reproduction Theory*. P. 25.

⁸⁴ Энгельс Ф. *Происхождение семьи*.

До XX века (да и в XX веке) женщины из рабочего класса трудились на заводах и в шахтах. Они брали стирку на дом и выполняли сдельную работу, а также готовили, убрали и ухаживали за детьми. Термин «домохозяйка» появился около 1890 года – так называли жен, которые «полностью посвящали себя домашним делам». Вместе с новым определением на женщин были возложены новые ожидания. Дом теперь воспринимался не просто как место для приема пищи и сна, а как пространство, полностью противоположное пространству работы, где домохозяйка (*homemaker*) должна была создавать комфортные условия для своих мужа и детей. Комфорт самой женщины при этом никого не интересовал. Таким образом, изменения в структуре занятости привели к тому, что изменилось понимание гендера и представление о том, какой должна быть женщина⁸⁵.

Поначалу только самые обеспеченные мужчины могли позволить себе жену-домохозяйку, в то время как женам рабочих по-прежнему приходилось вкалывать на полную ставку. Рабочие движения стали добиваться «семейной зарплаты»: такого размера оплаты труда, который позволял бы мужчине-рабочему содержать жену и детей. Впервые это нововведение появилось в Австралии в 1896 году, когда был принят закон, согласно которому минимальный размер оплаты труда должен быть таким, чтобы мужчина мог обеспечивать семью. Примерно в это же время начали приниматься законы, запрещающие детский труд и ограничивающие продолжительность рабочего дня для женщин. Капиталисты пошли на некоторые уступки рабочим, прикрываясь заявлениями о том, что женщины слишком слабы для работы на производстве (вот бы удивились труженицы шахт в Манчестере или Лоуэлле!), следовательно, им стоит сидеть дома⁸⁶.

Идея семейной зарплаты быстро приобрела популярность. Она давала рабочим возможность добиться повышения дохода, но одновременно укрепляла патриархальные гендерные роли в семье. Становясь «кормильцем», мужчина из рабочего класса чувствовал гордость и получал ту власть, которой был лишен на производстве. В своих глазах он теперь был «настоящим мужчиной», в отличие от тех, кто зарабатывал меньше и не мог обеспечить семью. Кроме того, семейная зарплата давала рабочим возможность (я говорю в первую очередь о США) конструировать свою маскулинность, при этом противопоставляя себя небелым трудящимся. В США чернокожие рабочие первоначально были рабами и в вопросах брака и деторождения полностью зависели от своих хозяев. После отмены рабства был принят новый свод законов, поощрявший создание «традиционных» семей бывшими рабами. Как отмечает историк Тера Хантер, в условиях рабства, когда кровные родственники и супруги в любой момент могли быть разлучены по прихоти рабовладельца, афроамериканцы «трансформировали узкую концепцию родства», выработав более широкое понимание семьи. Однако Бюро вольноотпущенников⁸⁷ и другие подобные институты стремились навязать чернокожим рабочим идеал патриархальной семьи, хотя никто вовсе не собирался платить им зарплату, достаточную, чтобы прокормить жену и детей⁸⁸.

⁸⁵ Davis A. Y. *Surrogates and Outcast Mothers: Racism and Reproductive Politics in the Nineties* // The Angela Y. Davis Reader. P. 216; Cherlin A. *Labor's Love Lost: The Rise and Fall of the Working-Class Family in America*. New York: Russell Sage Foundation, 2014, loc. 179, 186, 1422–1449, 1680, Kindle; Palmer P. *Domesticity and Dirt: Housewives and Domestic Servants in the United States, 1920–1945*. Philadelphia: Temple University Press, 1991. P. 22.

⁸⁶ Fraser N. *Crisis of Care*. P. 25; Carlson A. *The Family in America: Searching for Social Harmony in the Industrial Age*. London: Routledge, 2017. P. 40; Cherlin A. *Labor's Love Lost*, loc. 1109–1129, 1515, 1526; Palmer P. *Domesticity and Dirt*. P. 13.

⁸⁷ Бюро по делам беженцев, вольноотпущенников и заброшенных земель было создано в США в 1865 году для оказания помощи недавно освобожденным афроамериканцам и беженцам из числа белых после Гражданской войны. Предоставляло им кров, еду, помощь в трудоустройстве и образовании.

⁸⁸ Barrett M., McIntosh M. *Anti-Social Family*, loc. 733–733; Cooper M. *Family Values*, loc. 1149–1153, 1170–1175, 1186–1188, 1213–1214; Hunter T. *To 'Joy My Freedom: Southern Black Women's Lives and Labors After the Civil War*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 37, 39–40.

После рузвельтовских реформ «Нового курса» и Второй мировой войны, когда приняли законы, защищающие право рабочих на создание профсоюзов, семейная зарплата, а вместе с ней и белая рабочая семья получили институциональное оформление. Речь идет о так называемом фордистском компромиссе. Генри Форд и сам активно внедрял среди рабочих свои представления о «правильной» семье. Для получения семейной зарплаты они должны были соответствовать определенным требованиям. У Форда был специальный отдел расследований («социологический департамент»), который опрашивал работников на предприятиях и приходил к ним домой, чтобы убедиться, что их жены тоже усердно трудятся. «Требовалось, чтобы жена целый день занималась работой по дому, – пишет социолог Эндрю Дж. Черлин. – Любое отклонение от этого правила грозило проблемами с отделом расследований»⁸⁹.

Реформы «Нового курса» претворили в жизнь идеал семейной зарплаты, но действие Закона о справедливых условиях труда и Национального закона о трудовых отношениях не распространялось на сельскохозяйственных работников и тех, кто трудился на дому. Это означало, что большинство чернокожих мужчин и женщин оказались лишены семейной зарплаты. Фордистская семейная зарплата не только способствовала нормализации гендерных отношений и нуклеарной семьи, но также проводила этнические и классовые границы, определяя, кто имеет право пользоваться услугами американского государства всеобщего благосостояния, построенного совместными усилиями правительства и частных компаний⁹⁰.

Именно этому периоду мы обязаны привычным образом «традиционной» белой семьи, живущей в пригородном доме за невысоким забором. В такой семье обычно от двух до пяти детей. Жена, один в один Джун Кливер⁹¹, готовит дома ужин в туфлях на высоком каблучке в ожидании мужа, который должен прийти с работы, где проводит по восемь часов пять дней в неделю. Однако этот период ни в малейшей степени не был традиционным – напротив, с исторической точки зрения он представлял собой исключение, ставшее возможным благодаря компромиссу между капиталом и трудом, который не был устойчивым и поддерживался благодаря контролю со стороны государства, видевшего стабилизацию бизнеса своей главной целью. И романтизировать эти времена не стоит. Семейная зарплата вознаграждала отчужденный и однообразный труд, женщины получали меньше мужчин, а домашнее насилие со стороны мужей встречалось повсеместно: как уже неоднократно отмечалось, мужчины прибегали к нему, чтобы показать свою маскулинность в мире, где мало что контролировали, и добиться послушания жен. Трудовой договор, как и брачный контракт, предполагал юридическое равенство сторон, которое на самом деле скрывало колоссальную пропасть, разделявшую начальника и рабочего, мужа и жену. Представления о маскулинности и феминности складывались из опыта мужчин и женщин: первые обладали властью, вторые чувствовали себя беспомощными⁹².

Внутри этой идеологии всегда царил скрытое напряжение. Открытым оставался вопрос о том, почему женщины должны сидеть дома: потому что занимаются жизненно важным домашним трудом или потому что слишком чисты, добры и слабы для работы по найму? В XX веке женщин побуждали совершенствовать свои навыки ведения домашнего хозяйства, черпая знания из женских журналов или посещая курсы по домоводству – нововведение тех времен. Более того, шли споры о том, должны ли женщины получать деньги за работу по дому.

⁸⁹ *Cherlin A. Labor's Love Lost*, loc. 1378, 1401; *Mohandesi S., Teitelman E. Without Reserves*. P. 49; *Cooper M. Family Values*, loc. 75–77.

⁹⁰ *Cooper M. Family Values*, loc. 47–50.

⁹¹ Джун Эвелин Бронсон Кливер – «экранная мама», главная героиня американского телевизионного ситкома «Предоставьте это Биверу». Джун и ее мужа часто называют архетипичными родителями из пригорода 1950-х годов.

⁹² *Cherlin A. Labor's Love Lost*, loc. 192–195, 247; *Federici S. Preoccupying: Interview with Silvia Federici // Occupied Times*. 2014. October 26. 2014. URL: <http://theoccupiedtimes.org/?p=13482>; *Kittay K. Love's Labor: Essays on Women, Equality and Disability*. London: Routledge, 1999. P. 41; *Энгельс Ф. Происхождение семьи*; *Cherlin A. Labor's Love Lost*, loc. 749–752, 811.

Феминистки добивались введения пенсий и зарплат для матерей, финансовой помощи для семей и пособий на детей (последние появились в Великобритании в 1946 году). При этом женщинам по-прежнему всеми возможными способами напоминали о том, что они, в отличие от мужчин, не занимаются «настоящей» работой⁹³.

Однако по-настоящему серьезным вызовом для семьи стали попытки создания социалистического общества. Утопические социалисты выступали за то, чтобы дети воспитывались коллективно, а не в нуклеарных семьях. Эта идея, как замечает антрополог Кристен Годси, оказала влияние на руководителей Советского Союза и некоторых других стран. После Октябрьской революции Александра Коллонтай стала народным комиссаром государственного призрения РСФСР. Единственная женщина-нарком, она уделяла особое внимание мерам, призванным уравнивать женщин в правах с мужчинами. Она доказывала, что «материнство как социальная функция должно... цениться и поэтому защищаться и поддерживаться государством». Женщины должны быть избавлены от домашнего труда благодаря государственным яслям, детским садам, прачечным и столовым; аборт был легализован в 1920 году. Вместо того чтобы платить мужчинам семейную зарплату, предполагая, что тем самым будет оплачиваться и женский труд, социалистическое государство должно было предоставить всем равные возможности, разрушив экономическую зависимость женщин от мужчин⁹⁴.

Но и мужчины-социалисты не всегда с радостью приветствовали изменения в структуре семьи – они ведь тоже привыкли считать, что женщине следует заниматься домашней работой. Коллонтай приходилось бороться с товарищами по партии, добиваясь реализации своих замыслов. Многие ее завоевания были перечеркнуты в 1936 году Сталиным, решившим вернуться к модели патриархальной семьи. Тем не менее в вопросах семейной политики социалистические и социал-демократические правительства в странах Восточной и Западной Европы действовали более эффективно, чем их американские коллеги. Они предоставили женщинам декретные отпуска и другие меры поддержки, а также на официальном уровне поощряли мужчин брать на себя больше работы по дому⁹⁵.

В большинстве капиталистических стран воспитание детей считалось частным делом пары. Доказывая ценность домашнего труда, женщины столкнулись с мифом о любви к работе. Считалось, что их работа, к которой они готовились и на которую тратили больше времени, чем их мужья проводили в фирмах и на предприятиях, представляет собой самое приятное занятие, какое женщина только может себе вообразить. Но в действительности на всех уровнях, от государственного до индивидуального, женщин принуждали к работе, которую они якобы добровольно выполняли из любви. Более того, многие женщины не переставали заявлять, что домашние дела им совсем не по душе⁹⁶.

Дом в пригороде – как предполагалось, предел мечтаний для нового среднего класса – часто на самом деле оказывался ловушкой и тюрьмой. Женщины были изолированы в доме, то есть на рабочем месте. Со всех сторон их окружали напоминания о бесконечных домашних делах. В 1960-е годы все больше людей стали осознавать эту проблему. Прошло всего десять

⁹³ James S. Child Benefit Has Been Changing Lives for 70 Years. Let's Not Forget the Woman Behind It // The Guardian. 2016. August 6. URL: www.theguardian.com/commentisfree/2016/aug/06/child-benefit-70-years-eleanor-rathbone. См. также: Wages for Housework: The New York Committee, 1972–1977: History, Theory, Documents // eds. S. Federici, A. Austin. Brooklyn, NY: Autonomedia, 2017; Palmer P. Domesticity and Dirt. P. 29–30, 76, 91, 101; Cherlin A. Labor's Love Lost, 1467.

⁹⁴ Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше. Аргументы в пользу экономической независимости. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 20, 69–70; Коллонтай А. Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь: Феминист-Пресс, 2003. С. 15.

⁹⁵ Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше. С. 65–67, 67–76, 124.

⁹⁶ Poo A. Age of Dignity: Preparing for the Elder Boom in a Changing America. New York: New Press, 2015. P. 100; Kipnis L. Against Love. P. 93, 169.

лет с того момента, как женщин стали массово превращать в домохозяек, а они уже были сыты по горло домашними делами⁹⁷.

Книга Бетти Фридан «Загадка женственности» («*Feminine Mystique*») была опубликована в 1963 году и сразу стала бестселлером. Фридан подробно описала «проблему, у которой нет названия» – положение женщин, запертых дома и вынужденных выполнять домашнюю работу. Ее книга спровоцировала феминистское восстание. Однако Фридан, судя по всему, больше беспокоилась об образованных женщинах, обреченных всю жизнь выполнять домашние обязанности, которые были ниже их достоинства и больше подходили для «недалеких девочек». Для образованных женщин работа должна была стать формой освобождения⁹⁸.

Однако работа вне дома – способная, по мнению Фридан, решить проблему утомительных домашних обязанностей – сделала многих женщин несчастными. Если обеспеченные женщины могли позволить себе нанять прислугу, которая бы выполняла домашние дела, пока они были на работе, то женщины из рабочего класса никогда не имели возможности сидеть дома или только недавно ее получили. Работа, на которую они могли рассчитывать, часто представляла собой низкооплачиваемую версию того, чем им приходилось заниматься дома: готовка и сервировка пищи, уборка, уход за другими людьми. Конечно, для некоторых женщин работа стала альтернативой домашним делам, но сама идея о том, что они ищут работу из развлечения, а не из необходимости, давала работодателям возможность платить им меньше, чем мужчинам. А на самом деле многие женщины искали работу именно потому, что остро нуждались в деньгах⁹⁹.

Новый миф о любви к работе подкреплялся идеей о том, что женщины, покидая дом и устраиваясь на работу, расширяют свои права и возможности. Старая история о том, что работа по дому и в особенности материнство сами по себе приносят женщинам удовлетворение, продолжала жить, но параллельно формировался новый миф – об освобождении через работу. Конфликт между этими нарративами привел к конфликтам между женщинами, по-разному воспринимавшими ситуацию.

В ходе дискуссий по вопросу об абортах и так называемой реформе социального обеспечения линии раскола прошли по границам классов. Тема аборт – сыгравшая важную роль в период охоты на ведьм, а потом ушедшая на второй план, – приобрела в 1960–1970-е годы огромное политическое значение. Борьась с навязанным им положением домохозяек, женщины добивались права самостоятельно решать, становиться им матерями или нет. Писательница-феминистка и активистка Шуламит Файрстоун в книге «Диалектика пола» («*The Dialectic of Sex*») писала о том, что уничтожение «половых классов» означает «захват контроля над *воспроизводством*: не только полное восстановление прав собственности женщин над их телами, но также и (временный) захват ими контроля над человеческой способностью к воспроизведению потомства»¹⁰⁰.

Но и до публикации книги Файрстоун, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы, женщины доказывали, что им необходимо установить контроль над репродуктивной сферой, чтобы иметь возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Как пишет социолог Кристин Люкер, аборт был «символическим стержнем», вокруг которого формировались представления о роли женщин и женской работе. На одной стороне были те, кто утверждал, что

⁹⁷ Davis A. Y. *Women and Capitalism*. P. 180; Barrett M., McIntosh M. *Anti-Social Family*, loc. 874–875; Cherlin A. *Labor's Love Lost*, loc. 1510.

⁹⁸ Palmer P. *Domesticity and Dirt*. P. 64, 156; Ehrenreich B. *Maid to Order // Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy* / ed. B. Ehrenreich, A. R. Hochschild. New York: Metropolitan, 2004, loc. 1560, Kindle.

⁹⁹ Weeks K. "Hours for What We Will": Work, Family, and the Movement for Shorter Hours // *Feminist Studies*. 2009. 35. no. 1. P. 101–127; Federici S. *Revolution at Point Zero*. P. 42–44, 56; Weeks K. *The Problem with Work*. P. 65.

¹⁰⁰ Firestone S. *The Dialectic of Sex*. London: Women's Press, 1979. Первая глава книги доступна на сайте Marxists Internet Archive. URL: www.marxists.org/subject/women/authors/firestone-shulamith/dialectic-sex.htm.

женщины – это в первую очередь не потенциальные матери, а личности, способные самостоятельно жить и принимать решения. Их оппонентами были женщины и мужчины, считавшие, что предназначение женщины – быть домашней хозяйкой. Некоторые сторонники (и особенно сторонницы) этой идеи опасались, что право на аборт не только изменит гендерные роли, но и лишит женщину ее высокого статуса, связанного с материнством. Однако лед уже тронулся, и вскоре недолговечной идиллии семей из рабочего класса пришел конец – но вовсе не из-за права на аборт, а по причине изменений в мировой экономике¹⁰¹.

На этом фоне Верховным судом США в 1973 году было принято эпохальное решение по делу «Роу против Уэйда»¹⁰², ставшее последней каплей для многих консервативно настроенных женщин и мужчин. После этого процесса сформировалась группа активисток, которая выступила против абортотворения – в основном в нее входили женщины из нуклеарных семей, посвящавшие все свое время домашнему труду. Они опасались, что американский суд подорвал не только ценность эмбриона, но и ценность женщины как таковой, поэтому развернули активную общественную кампанию. Возможности этих женщин на рынке труда были ограничены, зато их работа по дому – где они хранили «нежность, нравственность, заботу, эмоциональность и самопожертвование» – высоко ценилась хотя бы на словах. «Мне кажется, что сейчас мы находимся на пьедестале, так зачем нам опускаться до равенства с мужчинами?» – спрашивала одна из активисток. Как пишет Люкер, эти женщины боялись, что материнство перестанет быть священным призванием и превратится всего лишь в очередную работу¹⁰³.

Феминистки вздрагивали, когда консерваторы приписывали им намерение разрушить семью, – они-то настаивали на том, что просто хотят дать людям возможность выбора. Однако дестабилизация репродуктивной роли, в результате которой материнство стало для женщин необязательным, а развод перестал восприниматься как нечто недопустимое, действительно оказалась серьезным вызовом для института семьи. Файрстоун и другие радикалки считали, что это к лучшему, но умеренные феминистки в основном стремились к тому, чтобы дать женщинам возможность и строить карьеру, и иметь семью. Вероятно, именно по этой причине они не поддержали активисток движения за право на социальное обеспечение, бросивших вызов традиционным гендерным ролям. Как пишет историк Премилла Надасен, представительницы этого движения уделяли основное внимание «трудовой этике, критике веры в рыночную экономику, состраданию к людям в трудной жизненной ситуации, различным моделям материнства, сексуальной морали и репродуктивным правам»¹⁰⁴.

Движение за право на социальное обеспечение представляло собой относительно небольшую группу женщин, которые не могли похвастаться высоким социальным статусом. Тем не менее благодаря коллективным действиям им все же удалось добиться определенных успехов. Они отвергали семейную и трудовую этику, добиваясь права воспитывать детей так, как они считают нужным. Кроме того, они бросили вызов традиции «законов о бедных», положенной в основу Программы помощи семьям с детьми-иждивенцами (AFDC), или «велфера» (welfare), как его обычно называют в США¹⁰⁵.

Национальная организация за право на социальное обеспечение (NWRO) была основана в 1966 году и представляла собой орган, координирующий работу местных групп, часть которых к тому моменту существовала уже несколько лет. Эти группы придерживались так-

¹⁰¹ *Davis A. Y. Women, Race and Class. P. 205; Luker K. Abortion and the Politics of Motherhood. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 8, 118.*

¹⁰² По итогам разбирательства по делу «Роу против Уэйда» Верховный суд США постановил, что женщина имеет право прервать беременность по своему усмотрению до того момента, пока плод не станет жизнеспособным (не позднее 28-й недели).

¹⁰³ *Ibid. P. 138, 145, 163, 202, 205, 206.*

¹⁰⁴ *Federici S. Revolution at Point Zero. P. 43; Nadasen P. Welfare Warriors: The Welfare Rights Movement in the United States. London: Routledge, 2004. P. 204.*

¹⁰⁵ *Ibid. P. 228, 395, 431, 441.*

тики прямого действия: часто их участники занимали офисы службы социального обеспечения и призывали к прекращению дискриминации. Еще они создали политическую организацию и пытались юридическим путем оспорить методы контроля, использовавшиеся в рамках Программы оказания помощи семьям с детьми-иждивенцами (AFDC). Несмотря на то что среди получателей пособий по этой программе никогда не преобладали чернокожие женщины, именно они возглавили движение за право на социальное обеспечение. Присутствие чернокожих в списках на получение пособия вызывало возмущение политиков – зачастую тех же самых, которые доказывали, что белые женщины должны сидеть дома и заниматься детьми. Как пишет Надасен, организаторы движения за право на социальное обеспечение «вырабатывали свою политическую программу исходя из материалистического понимания этнических, классовых, гендерных и половых иерархий, неразрывно связанных между собой в повседневной жизни человека»¹⁰⁶.

Чернокожих женщин на протяжении долгого времени принуждали к труду – сначала как рабынь, а потом как работниц на низкооплачиваемых позициях. Паника вокруг социального обеспечения выявила противоречие между двумя установками. Считалось, что женщина должна сидеть дома с детьми, но если чернокожая женщина решала посвятить себя домашним делам, то ее обвиняли в том, что она отлынивает от работы. Отказывая чернокожим – и, соответственно, всем остальным – женщинам в праве на социальное обеспечение, государство вынуждало их соглашаться на любую, даже самую низкооплачиваемую работу. Социологи Фрэнсис Фокс Пивен и Ричард Кловард называют это еще одним способом принуждения к труду¹⁰⁷.

Однако участники движения за право на социальное обеспечение утверждали, что получающие пособие матери и так трудятся, ведь их работа по дому очень важна, так что они заслуживают помощи вне зависимости от того, замужем они или нет. «Будь правительство поумнее, оно бы переименовало AFDC в „круглосуточный уход“, создало бы новое агентство и начало бы платить нам достойную зарплату за ту работу, которую мы и так уже выполняем, – говорила одна из организаторок движения. – В таком случае можно было бы сказать, что кризис в сфере социального обеспечения разрешен, потому что все матери на пособиях теперь при делах». Какое-то время организация успешно двигалась к намеченной цели – за 1960-е годы число получательниц пособия выросло на 107 % благодаря тому, что активисты убеждали женщин требовать выплат, причитающихся им по закону. «В департаменте социального обеспечения уже выучили наш телефонный номер, – рассказывала другая активистка. – Члены нашей организации знают, что если позвонить в департамент, то чиновники все сделают быстрее и эффективнее»¹⁰⁸.

Организаторы движения за право на социальное обеспечение бросили вызов американским представлениям о «настоящей» и «ненастоящей» работе и распределении ролей в семье. Как сообщал один репортер, участницы организации «Матери за повышение пособия» (MAW) доказывали, что брак с его «строгими правилами и обязательствами» «в большей степени представляет собой инструмент угнетения, нежели средство выражения любви». MAW выступали за «ответственность перед другими людьми и свободу действия в той мере, в какой это позволяет ответственность», отвергая традиционную модель семьи. Джонни Тиллмон, возглавлявшая NWRO, писала в статье для журнала Ms: «Система социального обеспечения – это как суперсексистский брак. Вы меняете одного мужчину на другого. Но вы не можете развестись с ним, если он плохо с вами обращается. Он, конечно же, в любой момент может порвать с

¹⁰⁶ Ibid. P. 242, 249, 276, 300, 385.

¹⁰⁷ Piven F. F., Cloward R. *Regulating the Poor*, loc. 2335, 2379, 2424, 2464, 3368; Kittay K. *Love's Labor*. P. 124.

¹⁰⁸ Piven F. F., Cloward R. *Regulating the Poor*, loc. 3254, 5569; Federici S. *Revolution at Point Zero*. P. 43; Nadasen P. *Welfare Warriors*, 1370, 1587, 1672.

вами, но в таком случае дети останутся с ним. Всем управляет мужчина. В обычном браке вы имеете право заниматься сексом со своим мужем. Согласно AFDC, вы вообще не имеете права заниматься сексом. Вы отказываетесь от контроля над своим телом»¹⁰⁹.

Активисты NWRO требовали безусловного базового дохода, а не программ по созданию рабочих мест, оспаривая идею, что человек должен ходить на работу, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Лоретта Доменчич, организаторка WRO в Милуоки и представительница коренного населения Америки, отмечала, что до колонизации на континенте существовали институты, аналогичные безусловному базовому доходу: «В соответствии с принципом уважения к человеческому достоинству в племени должно быть место для любого человека вне зависимости от его способностей, будь он вождем или калекой, пожилым или беспомощным». В период президентства Ричарда Никсона NWRO почти удалось добиться своей цели. Никсоновский «План помощи семьям» предполагал предоставление безусловного базового дохода более чем десяти миллионам семей – правда, размер выплат должен был быть ниже требуемых NWRO 5500 долларов в год на семью из четырех человек (около 35 тысяч долларов по современному курсу)¹¹⁰.

Тот факт, что движение за право на социальное обеспечение едва не добилось принятия закона, гарантировавшего безусловный доход любому гражданину вне зависимости от семейного положения и наличия работы (а также тот факт, что соответствующий закон был предложен президентом-консерватором), напоминает нам о существовании альтернативных точек зрения на работу и семью. Однако в 1970-е годы маятник качнулся в обратную сторону. Снижение прибылей, зарождение аутсорсинга и инфляция привели к тому, что человечество внезапно включилось в дележку уменьшающегося пирога. Вместо безусловного базового дохода и социального обеспечения мы получили стереотип «королевы пособия»¹¹¹. Аборт считается аморальным поступком для женщины, но не менее аморальным считается рожать ребенка, не имея для этого необходимых материальных условий. В то же время женщин, получающих помощь от государства, демонизируют. Словно желая подчеркнуть, какая это давняя традиция, Рональд Рейган, говоря о необходимости сокращения государственных выплат, рассказал историю о «юной леди... которая получает продовольственные карточки на основании того, что она студентка, изучающая колдовство»¹¹².

В результате того, что получающие пособие чернокожие женщины превратились в объект ненависти (утверждалось, что они, отказываясь от оплачиваемой работы, одновременно подрывают институт семьи и трудовую этику), началось медленное разрушение государства всеобщего благосостояния, на смену которому приходил новый неолиберальный порядок. Левые, придерживавшиеся идеи о том, что работа способствует освобождению женщин, практически ничего не смогли противопоставить неолиберальному повороту¹¹³.

¹⁰⁹ Ibid., loc. 3456, 3667; *Tillmon J. Welfare Is a Women's Issue* // Ms. 1972. URL: www.msmagazine.com/spring2002/tillmon.asp; *Cooper M. Family Values*, loc. 1466–1467.

¹¹⁰ Несколько лет спустя сенатор Дэниэл Патрик Мойнихэн, обсуждая предложенный в 1971 году администрацией Никсона План помощи семьям (FAP), признал, что в этом требовании не было ничего из ряда вон выходящего: «Если бы американское общество признало, что ведение домашнего хозяйства и уход за детьми – это производительный труд, который должен учитываться в отчетах об экономическом положении страны... то людей, получающих пособие, перестали бы воспринимать как иждивенцев. Но это не так. Можно надеяться, что женское движение изменит эту ситуацию. Но в тот момент, когда я пишу эти слова, все остается по-прежнему». Цит. по: *Federici S. Revolution at Point Zero*. P. 43; *Nadasen P. Welfare Warriors*, loc. 3611, 3672, 3973, 4302, 4330, 4038, 4079.

¹¹¹ «Королева пособий» (Welfare Queen) – так в США называют женщин, максимально использующих систему соцпособий.

¹¹² *Nadasen P. Welfare Warriors*, loc. 4079, 4873; интервью проведено Тони Брауном (род. 1933). См. фильм «*Tony Brown's Journal: The President and Black America*» («Журнал Тони Брауна: президент и черная Америка»), режиссер Майкл Колган, Tony Brown Productions, 1982, 28 минут.

¹¹³ *Briggs L. Reproductive Politics*. P. 13, 48; *Kittay K. Love's Labor*. P. 15, 119; *Cooper M. Family Values*, loc. 381–383, 426–428, 439–441.

Но одна феминистская группа, вдохновлявшаяся идеями NWRO и итальянским операистским¹¹⁴ («воркеризм») движением 1970-х годов, предложила альтернативу, бросившую вызов широко распространенным представлениям о работе и семье. Кампания «За оплачиваемую работу по дому» не достигла поставленных целей, но ее организаторы по сей день продолжают бороться и подавать пример другим активистам¹¹⁵.

Участники кампании «За оплачиваемую работу по дому» восприняли у операистского движения идею о том, что капиталистическое производство стерло разделение между «обществом» и «рабочим местом», превратив все социальные отношения в производственные. Как указывали активисты, «социальная фабрика» начинается дома, а домашний труд жизненно важен для капиталистической системы, так как именно он обеспечивает воспроизводство рабочей силы. Исходя из этого, они доказывали, что работа по дому должна оплачиваться. Сельма Джеймс, одна из ведущих теоретиков движения, писала: «Добиваясь оплачиваемой работы по дому, мы доказываем, что домашний труд, подобно любому другому труду при капитализме, является принудительным, и мы выполняем его не потому, что нам это нравится, а потому, что мы, как и все остальные трудящиеся, понимаем: в противном случае наши дети будут обречены на голод»¹¹⁶.

Центральной для движения была идея о том, что отказ от работы по дому – забастовка вроде той, что устраивают рабочие на предприятиях, – открывает домохозяйкам путь к обретению власти. Женщины, устраивавшиеся на оплачиваемую работу, также отказывались от домашнего труда, но для многих из них это вовсе не означало эмансипацию – напротив, им приходилось выполнять низкооплачиваемую и скучную работу, не сильно отличавшуюся от той, которая ждала их дома после окончания смены. Требуя оплаты домашнего труда, активистки указывали, что работа по дому – это тоже *работа* и что они хотели бы тратить на нее меньше времени. Тем самым они заявляли: «Мы – это не наша работа»¹¹⁷.

Кроме того, борьба за оплачиваемый домашний труд давала им возможность отказаться от навязанной идентичности и гендерных ролей. Как отмечали активистки, представление о том, что работа по дому и рождение детей – это естественные для женщин занятия, удовлетворяющие некие глубинные женские потребности, оказало формирующее воздействие на всех женщин, в том числе на тех, кто мог позволить себе нанимать других людей (обычно тоже женщин), чтобы те выполняли за них домашние дела¹¹⁸.

У движения за право на социальное обеспечение участницы кампании «За оплачиваемую работу по дому» почерпнули идею о том, что женщины лишены свободы и дома, и на работе. Они хотели иметь время на себя, иметь возможность свободно исследовать любовь и сексуальность за пределами отношений власти и труда. Квир-участницы движения отмечали, что стигматизация лесбиянства способствовала укреплению патриархата и трудовой дисциплины внутри семьи. Женщины, работавшие в детских учреждениях и больницах, подчеркивали, что обесценивание их труда дома приводит к его обесцениванию и за его пределами. Насилие в отношении женщин, утверждали они, представляет собой форму трудовой дисциплины: мужчины ведут себя как начальники, стремящиеся держать подчиненных в узде. Кампания «За оплачиваемую работу по дому» предлагала оптику, которую можно было применить ко всем

¹¹⁴ Движение операистов, будучи марксистским по духу, требовало снижения количества рабочих часов (лозунг «Меньше работы, больше оплаты!»).

¹¹⁵ Federici S. Revolution at Point Zero. P. 7.

¹¹⁶ Ibid.; James S. Sex, Race and Class. P. 81.

¹¹⁷ Ibid. P. 51, 82; Wages for Housework. P. 34, 203, 260; Dalla Costa M. The General Strike // Wages for Housework. P. 275; Weeks K. The Problem with Work. P. 130.

¹¹⁸ Wages for Housework. P. 34, 205.

политическим столкновениям, – она была тем ключевым элементом, что отсутствовал в большинстве подходов к изучению капитализма и гендера¹¹⁹.

Хотя многие смеялись (и продолжают смеяться) над идеей, что за работу по дому можно платить, нет никаких сомнений в том, что во многих случаях домашний труд все-таки оплачивается. Вслед за организаторами движения за право на социальное обеспечение экономистка Нэнси Фолбре пишет: «Если бы две матери-одиночки, каждая с двумя детьми в возрасте до пяти лет, сидели бы с детьми друг друга по восемь часов пять дней в неделю и платили бы друг другу минимальную федеральную зарплату в размере 7,25 доллара в час, то обе смогли бы претендовать на налоговый зачет за заработанный доход¹²⁰ и получить в общей сложности 10 тысяч долларов практически за ту же самую работу, которую в обычной ситуации они выполняют бесплатно, сидя с собственными детьми». Участницы движения «За оплачиваемую работу по дому» отмечали, что государство оказывает финансовую помощь приемным родителям, а суды присуждают компенсации мужчинам, чьи жены получили травмы, на том основании, что они лишены возможности «предоставлять услуги» своим супругам¹²¹.

Новый дискурс любви к работе формировался в то время, когда зарплаты снижались, а заводы закрывались или автоматизировались. Участницы движения «За оплачиваемую работу по дому» в 1970-е годы одними из первых увидели, к чему все идет. Сдвиги в экономике стали заметны в Нью-Йорке и других крупных городах, где бюджетный кризис стал причиной перехода к режиму жесткой экономии. Подобно Кассандре, активистки предупреждали, что феминистки выходят на рынок труда именно в тот момент, когда он начинает рушиться. Предполагалось, что женщины выправят ситуацию, устроившись на оплачиваемую работу и одновременно продолжая заниматься домашним трудом в прежних масштабах. Новые социальные консерваторы плечом к плечу с неолибералами пытались укрепить традиционную нуклеарную семью в тот момент, когда государство начало проводить политику, направленную на усиление эксплуатации труда и восстановление протестантской трудовой этики, которая теперь основывалась на силе закона, а не на личном выборе человека¹²².

В конечном счете это привело к «реформе социального обеспечения», растянувшейся на несколько десятилетий и закончившейся подписанием Биллом Клинтоном в 1996 году Закона о личной ответственности и возможностях трудоустройства, который выполнял двойную задачу – укрепления трудовой и семейной этики. Реформа социального обеспечения напомнила о том, что за красивыми словами о любви, заботе и внимании скрывается беспощадная жестокость. Эта реформа стала результатом совместных действий представителей разных политических сил. Неолибералы вроде Клинтон и социальные консерваторы вроде Рейгана в равной степени эксплуатировали расистские стереотипы о ленивых чернокожих женщинах (очень иронично, если помнить, что США были построены на рабском труде чернокожих) и использовали недовольство недавно вышедших на работу женщин, которым раньше не приходилось работать в две смены. Они натравили женщин друг на друга и настроили американцев против программы социального обеспечения, которая могла помочь нуждающимся. Как писала активистка Джонни Тиллмон, «пособие – что-то вроде дорожной аварии. Случиться может с каждым, но особенно часто это происходит с женщинами»¹²³.

¹¹⁹ Ibid. P. 21, 125.

¹²⁰ Налоговые льготы для работников и семей с низким и средним уровнем дохода (США).

¹²¹ For Love or Money: Care Provision in the United States / ed. N. Folbre. New York: Russell Sage Foundation, 2012. P. xii; Wages for Housework. P.113.

¹²² Ibid. P. 23–24, 244; Cooper M. Family Values, loc. 821–823.

¹²³ Kittay E. Love's Labor. P. 126; Tillmon J. Welfare Is a Women's Issue; Cooper M. Family Values, loc. 886–888; Weeks K. The Problem with Work. P. 165; Hatton E. Coerced: Work Under Threat of Punishment. Berkeley: University of California Press, 2020, loc. 674–675, Kindle.

Реформа социального обеспечения была начата губернаторами-консерваторами в Висконсине, Калифорнии и некоторых других штатах, но на национальном уровне была проведена президентом-демократом. Клинтон стал президентом на выборах, в которых участвовало трое кандидатов, пообещав Америке «третий путь». Этот путь предполагал отказ от наследия общественных движений 1960-х годов (которым Клинтон, по его собственным словам, был обязан пробуждением своего политического сознания) и переход к идеям «свободных рынков» и «личной ответственности». По программе Клинтона на смену AFDC пришла система грантов для штатов, которые могли расходовать средства по своему усмотрению. Многие из них ввели требование трудовой занятости и установили пожизненный лимит на получение пособия. По закону 1996 года также выделялись деньги на программы «поощрения браков» и предоставлялось дополнительное финансирование штатам, которым удалось снизить число «незаконнорожденных» детей без увеличения числа аборт. Также были выделены средства на поиск биологических отцов и взыскание с них алиментов – при этом у самих матерей никто не спрашивал, хотят ли они иметь какие-либо отношения с отцами своих детей. В преамбуле закона было сказано, что «брак – это основа процветающего общества». Говоря словами политолога Мелинды Купер, государство навязало обществу «систему семейной ответственности», опирающуюся на традиции «законов о бедных», но усиливавшую их репрессивную составляющую¹²⁴.

Несмотря на все заявления политиков о желании помочь женщинам, принятие этого закона привело к тому, что число чернокожих женщин, находящихся под государственным надзором и подвергающихся наказаниям, непропорционально выросло. (Все это происходило параллельно с увеличением числа заключенных в тюрьмах, также ставшим плодом совместных усилий демократов и республиканцев в 1980–1990-е годы.) Поток отчаявшихся людей хлынул на рынок низкооплачиваемого труда – им предлагали работу, которая часто не отличалась от того, чем они занимались дома, – что позволило снизить общий уровень заработной платы и одновременно увеличить доходы высших слоев¹²⁵.

В последующие десятилетия произошло снижение уровня зарплат, связанное с тем, что определенные виды работы по дому по-прежнему остаются неоплачиваемыми. Говоря словами Кэти Уикс, неолиберальная «романтика свободного рынка» как пространства свободы «сочетается с возрождением романтизированного идеала присвоенной [мужчинами] семьи – одновременно локуса социального воспроизводства и убежища посреди жестокого мира». Крах коммунизма и триумф капиталистического реализма привели к тому, что теперь нам крайне тяжело представить себе какую-либо иную форму организации домашнего труда. В эпоху «семей с двумя работающими родителями» мы много слышим о «балансе между работой и личной жизнью», но почти никто не говорит о том, что «личная жизнь» (кодированное обозначение семьи) в этом случае часто сводится к неоплачиваемой работе¹²⁶.

Более того, далеко не у всех есть повод задуматься о таком балансе. Брак все в большей степени становится уделом высшего среднего класса, в то время как пролетариат все чаще отдает предпочтение менее обязывающим в юридическом плане формам отношений. Консерваторы, выступающие против однополых браков, утверждают, что их легализация может раз-

¹²⁴ Taylor K. The Reality of “Welfare Reform” // Isthmus. 2018. March 1. URL: <https://isthmus.com/opinion/opinion/welfare-reform-bill-walker-republican>. Мелинда Купер пишет: «В преамбуле PRWORA дается следующее экстраординарное определение общественной морали: „1) брак является основанием успешного общества; 2) брак является ключевым институтом успешного общества, защищающим интересы детей; и 3) поощрение ответственного отношения отцов и матерей к своим родительским обязанностям служит залогом успешного воспитания и благополучия детей“». Cooper M. Family Values, loc. 1641–1644, 972–974, 989–996, 998–1001, 1497–1499, 1511–1513.

¹²⁵ Nadasen P. How a Democrat Killed Welfare // Jacobin. 2016. February 9. URL: www.jacobinmag.com/2016/02/welfare-reform-bill-hillary-clinton-tanf-poverty-dlc; Cooper M. Family Values, loc. 1550–1557.

¹²⁶ Fraser N. Crisis of Care. P. 25–26; Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М.: Ультракультура 2.0, 2010. Годсу К. Почему у женщин при социализме секс лучше. С. 21–22, 74–75; Weeks K. The Problem with Work. P. 159, 180.

рушить сам институт брака. Однако, как отмечают исследовательница гендера и сексуальности Лора Бриггс и другие ученые, в действительности браку угрожают не однополые семьи, а экономическое неравенство. Уровень рождаемости снижается еще с 1970-х годов: как иронично пишет Сильвия Федеричи, «единственной настоящей трудосберегающей технологией, которую женщины использовали в семидесятые, были противозачаточные». Она также отмечает, что наступление на аборт, которое мы сегодня наблюдаем в большинстве стран мира, представляет собой попытку регулировать предложение рабочей силы¹²⁷

¹²⁷ *Cherlin A. Labor's Love Lost*, loc. 3016; *Cooper M. Family Values*, loc. 3279–3282; *Federici S. Revolution at Point Zero*. P. 47, 97.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.